ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган федерации об'единений советских писателей РСФСР

Москва 20 августа 1931 г. № 45 (144)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 12 м. 3 р. 50 коп. На 6 м. 1 р. 75 к. На 3 м. - р. 90 к.

Речь тов. Сталина и задачи РАПП

1. Речь т. Сталина «О новых задачах хозяйственного строительства» определяет характер и методы работы на всех участках социалистического строительства. В частности огромное значение имеет выступление т. Сталина для пролетарского литературного движения, как указание путей его дальнейшей перестройки, большего включения пролетарских писателей в практику социалистического строительства, ускорения процесса ликвидации ОТСТАВАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ТРЕБОВАНИЙ НОВОГО ЭТАПА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ. Речь т. Сталина должна быть продумана каждой нашей организацией, каждым писателем, каждым критиком, каждым литературным кружком на предприятии. Обсуждение этой речи должно быть одновременно выработкой и проверкой плана их очередной работы.

2. Первой и главной задачей, стоящей перед пролетарским литературным движением, является БОРЬБА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ СДЕЛАННЫХ т. СТАЛИНЫМ УКАЗАНИЙ, представляющих собою целую эпоху в нашем социалистическом наступлении. Каждый писатель, каждый кружок, вся РАПП в целом должны драться за выполнение директив вождя партии и рабочего класса. Литературный кружок, который ничего не сделал для того чтобы ускорить выполнение указаний т. Сталина на своем предприятии, не может называться рапповским кружком.

Эта борьба за выполнение указаний т. Сталина должна проводиться каждым рапповцем У СТАНКА, В ЯЧЕЙКЕ, НА ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ. Эта борьба должна проводиться каждым рапповцем и ПРИ ПОМОЩИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА.

Каждый раздел, каждый абзац речи Сталина — благодарная тема для художественного произведения. Ликвидация «бегства мужика из деревни в город» и по-новому вставший в связи с этим вопрос о рабочей силе, вытеснение ручного труда механизацией, изменение самого типа советского рабочего, борьба с «уравниловкой» и «обезличкой», постановка т. Сталиным вопроса о производственно - технической интеллигенции — разве это не темы для полноценных художественных произведений, разве это не нуждается в художественном осмыслении в романе, рассказе, стихах, очерках, разве не должно быть мобилизовано вокруг этих тем внимание писательских кадров РАПП?

Литературные кружки на предприятиях должны развернуть социалистическое соревнование между собой по лучшему художественному обслуживанию борьбы за выполнение поставленных т. Сталиным задач на своем предприятии, в своей стенгазете, в своем районе. Такое же соревнование должны развернуть все областные ассоциации, взяв на себя обязательство в кратчайший срок выпустить художественные сборники, посвященные борьбе за эти задачи. Такого рода работа должна нанести новый решительный удар по еще до конца не изжитым «предрассудкам барства».

3. К РАПП целиком относится сделанное т. Сталиным указание на то, что «новая» обстановка требует новых приемов руководства, что «для этого требуется, чтобы наши руководители руководили предприятиями не «вообще», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом», что «надо прекратить бумажное «руководство» и переключиться на действительную, деловую большевистскую работу», «чтобы печаще... об'ехали заводы, подольше оставались там для работы».

Есть ли в РАПП указанные т. Сталиным недостатки? В той или иной мере ЕСТЬ! Есть и «руководство вообще», порядочно еще «общей болтовни», не мало «бумажного руководства» и т. д. Это относится и к секретариату РАПП и к местным организациям. Происходящая в РАПП перестройка, заключающаяся в основном в повороте лицом к идейно-творческим вопросам, происходит все еще недостаточными темпами, слаба самокритика, недостаточны темпы перестройки, недостаточен контроль за выполнением своих же собственных решений (например, развернувшаяся, хотя и недостаточно, работа по показу героев пятилетки), мало действительного, глубокого изучения вопросов, творческая дискуссия развертывается медленнее, чем это требуется.

Есть у нас и недостаточное осознание и проведение на практике особых форм и методов работы в нашей по преимуществу идейно-воспитательной организации. Есть у нас копирование работы организаций, отличных от нашей по характеру разрешаемых ими задач. Речь т. Сталина, неразрывно связанная с его же лозунгом, «лицом к технике», обязывает всех рапповцев к гораздо большему учету своеобразия работы в области литературы, к углублению в специфичность области, к тщательной, систематической и конкретной учебе художественному мастерству.

Речь т. Сталина должна вызвать новую волну широчайшей самокритики вокруг задач и темпов перестройки пролетарского литературного движения в соответствии с изменившимися условиями. В свете указаний т. Сталина РАПП должна произвести проверку-проверку всей своей работы, политически осмысливая ее борясь с различными проявлениями мелкобуржуазных и буржуазных влияний на пролетарское литературное движение и творчество писателей рабочего класса. Главный удар должен быть сосредоточен на «правой» опасности, наглядно выражающейся в недостаточных темпах перестройки в отсутствии необходимой борьбы с предрассудками барства, в пренебрежении такой задачей, как показ героев пятилетки, в до конца неизжитых влияниях воронщины, переверзевщины и т. д., что отнюдь не означает какого-либо смягчения ударов по «левизне» фразеров мелко буржуазной «революционности».

4. Особое значение для пролетарского литературного движения имеет постановка т. Сталиным вопроса о ликвидации «обезлички».

Есть ли в работе РАПП «обезличка»? Да, есть. Она есть и в практике руководства и выражается в наблюдающемся часто «общем» подходе и различным участием нашего движения, в «отсутствии ответственности каждого за данную конкретную работу» (Сталин). Она есть и в нашей критике и выражается в обилии общих статей о литературе и в слабости конкретной критики.

Нельзя сказать, чтобы РАПП не ставила об этом вопроса и не вела борьбы с этими явлениями. Достаточно вспомнить решения последнего пленума РАПП, достаточно вспомнить, сколько у нас написано статей о необходимости конкретной критики. Но сама эта борьба с «обезличкой» не была достаточно конкретной. Это собственно было до последнего времени, а в значительной мере еще и сейчас является для многих борьбой за НЕОБХОДИМОСТЬ борьбы, нередко сводившейся к тем «заклинаниям» и широковещательным речам», о которых говорит т. Сталин и которыми обезличку уничтожить нельзя.

Указания т. Сталина ставят перед нами вопрос о переходе от «широковещательных речей и заклинаний» к действительной, эффективной борьбе с рапповской обезличкой. А это означает на данном этапе, что в частности должна быть решительно усилена работа РАПП в области конкретной критики. Это означает, что вместо разговоров о попутничестве и союзничестве «вообще» — на страницах наших органов печати должны появиться статьи о творчестве попутчиков. Это означает, что вместо повторения старых общих истин о пользе призыва ударников необходим внимательный, вдумчивый анализ их творчества, деловая помощь им, нижитие нередко наблюдающегося «сплошного» подхода к ударникам, как некой безличной массе. Это означает, что вместо разговоров о плохом руководстве должно быть проведено деловое распределение работы и ответственности за порученную работу, должны быть ликвидированы «беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и «ОБЕЗЛИЧКА» (Сталин).

Все это вместе взятое требует внимательного изучения причин, порождающих «обезличку», и создания минимума условий, при которых ликвидация была бы возможной.

К таким условиям относится прежде всего ликвидация «обезличенного» подхода к литературной работе вообще, укрепление руководства РАПП партийными и рабочими кадрами, более смелым выдвижением рабочих - ударников в руководящие органы РАПП, привлечение большего количества людей к руководству.

К таким условиям относится устранение перегрузки основных творческих и критических кадров РАПП разного рода организационно - административной работой, более дифференцированный подход к ним, постановка учета их работы. К таким условиям относится планирование творческой и критической работы актива РАПП и контроль организации за этой работой (начатое секретариатом РАПП заслушивание на своих заседаниях докладов писателей о своей работе).

К таким условиям относится действительный обмен опытом между организациями, внимательное изучение этого опыта, выделение ведущих ассоциаций и кружков, развертывание социалистического соревнования между организациями по всем вопросам работы. К таким условиям относится усиление живого руководства местными организациями и кружками, увеличение количества выездов на места, введение в практику работы методов взаимообследований между отдельными организациями. К таким условиям относится ликвидация «самотека» в работе с кружками, в подборе литкружков на предприятиях, усиление руководства ими, подготовка достаточного контингента руководителей кружков, вовлечение в кружки действительно передовых ударников данного предприятия.

5. Лозунг ликвидации обезлички имеет прямое и непосредственное отношение к вопросам творческой дискуссии в РАПП. Некоторые товарищи не понимают этого, полагая, что единственным выходом из этого лозунга т. Сталина для пролетарской литературы является описание того, как ликвидируется обезличка на предприятиях. Если бы дело заключалось только в этом, все обстояло бы очень просто. Но мы не можем в изучение выводов из речи т. Сталина пред'явить движению лишь перечень вопросов, подлежащих описанию. Дело обстоит гораздо сложнее, ибо есть товарищи, вопросами «злободневности» заслоняющие вопрос о мировоззрении, определяющем творческий метод пролетарского художника. ХУДОЖЕСТВЕННО ОТОБРАЗИТЬ ЛИКВИДАЦИЮ ОБЕЗЛИЧКИ НА ПРЕДПРИЯТИИ НЕЛЬЗЯ, РАБОТАЯ МЕТОДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЕЗЛИЧКИ!

Борьба с обезличкой предполагает борьбу за такой художественный метод, который требует от художника величайшего внимания к конкретным фактам нашего строительства, к конкретным людям, борющимся на предприятии, в колхозе, в учреждении за социализм. Борьба с обезличкой — есть борьба с голой поверхностной декламацией в стихах и прозе, со своеобразной художественной «уравниловкой», когда декламацией о рабочем классе подменяется задача выявления передовиков пролетариата и отсталых, хвостистских элементов внутри рабочего класса.

Все вопросы, поднятые в речи т. Сталина, являются и вопросами борьбы за ленинский метод пролетарской литературы. Показать в художественных образах процесс пролетарского воспитания новых рабочих, вливающихся в производство, может лишь тот художник, который не отмахивается от задачи показа живого человека, конкретной социальной личности, который не подходит к пролетариату методом лже-революционного «сплошняка», который не отдается во власть «детских» и «первичных» «непосредственных впечатлений», но глубоко осмысливает действительность. Дать художественный образ новой пролетарской интеллигенции может только такой художник, который умеет видеть действительность диалектически, в движении, в росте, который вооружен марксистско-ленинским мировоззрением. Бичевать, высмеивать те слабости в нашей работе, о которых говорил т. Сталин, воспроизводить процессы классовой борьбы, размежевание среди старой технической интеллигенции, признаки поворота ее в сторону пролетариата, вести борьбу с бумажным творчеством, с бумажной непрерывкой, драться за новые, высокие формы труда, за правильную организацию труда может лишь художник, умеющий беспощадно срывать те маски, которые надевает на действительность классовый враг, успокаивая и обманывая ими оппортунистические, не желающие или не умеющие работать по-новому элементы среди командного состава нашего производственного руководства, художник борец, а не созерцатель, летописец, улавливающий тенденции развития, ведущее значение нового, а не безидейный фотограф происходящего, не умеющий осмыслить своего материала и его претворить в высоких художественных образах.

Ленинская характеристика творчества Толстого «срывание всех и всяческих масок» имеет громадное значение для пролетарских писателей, разрабатывающих вопросы своего художественного метода. В противовес курсу на лакировку действительности и ее мелкобуржуазное приукрашивание вытекающему из недоверия к пролетарской действительности, лозунг «срывания всех и всяческих масок» сохраняет значение в плане большевистского познания нашей действительности осуществления социализма. Рабочий класс не надевает никаких масок на свою диктатуру — именно поэтому он требует, чтобы пролетарская литература срывала с его врагов все и всяческие маски — маски с классовых противников, маски с оппортунистических элементов, маски, которыми прикрываются колеблющиеся.

Пролетарская литература в отличие от всех литератур прошлого может и должна максимально полно, глубоко и всесторонне познавать социальную действительность, по-настоящему проникая в процессы перековки мира со всеми противоречиями и трудностями этого процесса.

«С каких пор большевики стали бояться правды», — этот призыв т. Сталина к борьбе с оппортунистической лакировкой раскрывает тот смысл, который пролетарским литературным движением должен вкладываться в ленинское выражение о «срывании всех и всяческих масок».

Таким образом борьба орудием художественного образа за выполнение задач, поставленных т. Сталиным, есть для нас не только вопросы тематики, но и вопросы художественного метода, — и иначе не может быть, потому что вопрос «что» для пролетарской литературы всегда связан с вопросом «как»; вопросы тематики для пролетарского писателя всегда есть вопросы мировоззрения.

Установка «Литфронта» на оппортунистическое замазывание противоречий действительности хотя и разоблачена в нашем движении, все же находит сонных сторонников, или полусторонников, часто в неожиданных местах нашего движения. Поэтому борьба с этими настроениями должна быть усилена.

Уменье работать по-новому, не довольствуясь теми методами, которые могли годиться в восстановительный период, о чем говорится в речи тов. Сталина, — целиком относится к нашей борьбе за новый, ленинский этап пролетарской литературы.

Идейный уровень пролетарской литературы должен быть решительно поднят: от писателей рабочего класса требуется умение давать марксистско-ленинское обобщение явлений действительности на основе строгого, делового изучения конкретных фактов строительства социализма. И воспитание новых рабочих, и выдвижение беспартийного рабочего актива на командные должности, и форкирование пролетарской интеллигенции — все это может быть показано и обобщено пролетарской литературой только при условии борьбы и в другим видом «обезлички», состоящим в том, что при показе конкретных фактов строительства, писатель односторонне воспроизводит лишь техническую сторону того или иного процесса, игнорируя классовую борьбу, ведущуюся конкретными живыми людьми, героями социалистической стройки.

Задачи, выдвинутые т. Сталиным, подтверждают правильность нашей творческой линии, правильность нашей борьбы ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА. Но они же говорят и о недостаточности наших успехов, о необходимости еще более решительной борьбы за перестройку, за уменье работать по-новому.

СЕКРЕТАРИАТ РАПП.

12 августа 1931 г.

Всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей

По телеграфу от нашего специального корреспондента.

МИНСК, 19. В Минске открылся всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей.

18 августа делегация участников с'езда посетила университет и ряд культурных учреждений, заводов и фабрик. На вечернем заседании с'езд приветствовали рабочие машиностроительного завода им. Ворошилова.

С большим двухчасовым докладом о задачах польской пролетлитературы выступил секретарь ВОАПП Б. КОВАЛЕНКО, охарактеризовавший наши достижения на культурном фронте и разнообразные проявления классовой борьбы в литературе. Перечислив основные причины отставания польской пролетлитературы, тов. Коваленко закончил свой доклад призывом к польским пролетписателям:

— Работать на польскую революцию, на мировую пролетарскую литературу! Под этим лозунгом строить великое искусство большевизма, достойное нашей эпохи!

С'ездом получены приветственные телеграммы от немецких пролетписателей, от рабкоров-поляков, от т. Арт. Халатова.

Р. ЛЯПИЧ.

ОТ РЕДАКЦИИ. ОТЧЕТ О С'ЕЗДЕ БУДЕТ НАПЕЧАТАН В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «Л. Г.».

Советские библиотеки должны стать аванпостом художественной пропаганды социализма

Художественная книга составляет 69% библиотечного спроса. — Почему мало читается национальная литература и книги пролетарско-колхозных писателей. — У. Дж. Локк и Оливия Уэдели красуются на видном месте. — „Кружок друзей библиотеки" — библиотеки нищенствуют.

Повышение культурного уровня пролетариев мас трудящихся Советского союза, массовая ликвидация неграмотности, введение всеобщего обязательного обучения стремительно увеличивают число читателей книги, в частности книги художественной.

Рост производства художественной книги отстает от роста потребности в ней.

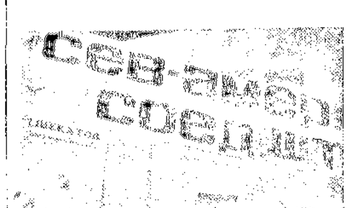
В этих условиях библиотека становится для читателя основным источником получения книги, библиотечная сеть — основным каналом продвижения книги к массовому читателю.

В связи с этим особенно возрастают в наших дни значение и роль библиотеки, а следовательно — и ее ответственность за правильное руководство читателем, за массовую работу с ним, за идейное и художественное его воспитание. Между тем немаловажные лише материалы бригады МАПП и «Литературной газеты», обследовавшей ряд московских библиотек, свидетельствуют о том, что последние еще не перестроили своей работы соответственно тех задачам, которые стоят перед ними развертывание культурной революции.

Многие библиотечные работники, по-видимому, еще не осознали всего огромного культурно - политического значения той работы, которая им поручена — работы с художественной книгой. Только этим непониманием этой подлинной роли библиотеки можно объяснить то, что большинство библиотек не ведет никакой массовой работы с читателем, ограничивая свои функции механическим обменом книг абонентам. Это стремление к механическому упрощению библиотечной работы приводит к еще более вопиющему явлению: библиотеки не ведут никакого учета читательских интересов, не отмечая в своих карточках тех особенностей читательского спроса, тщательное изучение которых, казалось бы, должно являться одной из основных задач советских библиотек, одной из основных вех дальнейшего развертывания библиотечной работы.

С другой стороны, нельзя признать нормальной и скудную материальную базу наших библиотек, которые часто влачат жалкое существование благодаря нищенскому бюджету.

Придавая большое значение оздоровлению и усиленному развертыванию библиотечной работы с художественной книгой, редакция «Л. Г.» приглашает своих корреспондентов и читателей высказаться на страницах по вопросам постановки и состояния библиотечного дела в Союзе ССР.



На выставке мировой революционной печати, открывшейся в читальне парка культуры и отдыха 16 августа

Штаб культурной революции или автоматы „выдачи книг"

Бригада МАПП и «Литгазеты» провела выборочное обследование семи московских библиотек.

Бригада поставила своей целью выяснить отношение советского читателя к художественной литературе, выяснить, как проводится в библиотеке массовая работа с читателем, как продвигается в читательские массы художественная книга.

Как общее правило, во всех библиотеках, начиная с районных и кончая небольшими библиотеками при учреждениях **спрос на художественную литературу неизменно стоит на первом месте:** он составляет от 45 до 70 процентов общего количества читаемых книг. Даже в специальных библиотеках, рассчитанных на высококвалифицированного читателя, главным образом, на специалиста, где максимальный процент книжного фонда составляет научная литература, спрос на художественную литературу все же доходит до 40 процентов (**библиотека клуба работников народного хозяйства им. Дзержинского**).

Не в зависимости от специфики библиотеки, от категории читателей резко меняется соотношение спроса на различные виды и разновидности художественной литературы. Статистика заводских библиотек, обслуживающих почти исключительно рабочих, говорит о значительно большем спросе на **русских** авторов, чем на **иностранных**, тогда как в районных и учрежденческих библиотеках, где основная масса читателей — служащие и их семьи, — спрос на русскую и иностранную литературу равномерен.

Нужно отметить, что наименьшей популярностью среди всех категорий московских читателей пользуются **национальные** литературы народов СССР.

Для читательских требований на русскую литературу характерно такое соотношение: рабочий-читатель в большей степени интересуется **пролетарской** литературой, в меньшей — литературой **попутнической**. Смешанный читатель — в районной библиотеке — предпочитает попутническую литературу и реже спрашивает пролетарскую. Квалифицированный читатель-интеллигент — читает пролетарскую и попутническую книжку в равной мере. Из книг **пролетарско-колхозных** писателей пользуются успехом отдельные наиболее популярные книги («Лапти» П. Замойского и т. д.); в целом же крестьянская литература мало популярна среди читателей Москвы. Повышению это частично объясняется бедностью каталога пролетарско-колхозной литературы и неумением некоторых библиотечных работников продвигать нужную книгу в массы.

Независимо от социальной категории читателей повсюду самый большой спрос падает на М. Горького и М. Шолохова.

Проведенное нами обследование массовой работы с библиотечным читателем дало в весьма печальным выводам. 1. **Большинство библиотек почти никакой массовой работы не ведется.**

В районных библиотеках, как и в библиотеках при учреждениях, состав читателей очень разнороден. Естественно, что здесь нужна большая организованная и воспитательная работа. Между тем в обследованных нами районных библиотеках отсутствует какая бы то ни было работа с читателем (**библиотека им. Достоевского**) или в лучшем случае имеется организация читательские вечера (**библиотека клуба «КОР»**).

При посещении ряда московских библиотек в учреждениях мы столкнулись с тем, что большинство сотрудников учреждения вообще не знает, где находится и когда бывает открыта библиотека (**библиотека МСНХ**).

А подбор книг в этих библиотеках?

Новинки пролетарской и попутнической литературы отсутствуют из-за недостатка средств на их покупку. Зато на видном месте красуются и вызывают усиленный спрос... Уильям Дж. Локк и Оливия Уэдели (**библиотека месткома Наркомздрава**).

Основной состав читателей в этих библиотеках — средний совслужащий; квалифицированного читателя, очевидно, не собирает такая литература, а низкие служащие остаются неохваченными библиотечным сальдьером непонятливости библиотечных работников.

Недостаточная работа с читателем сказывается и в заводских библиотеках, где процент подписчиков — служащих превышает процент рабочих не писчиков. (**Завод «Парострой»**).

Все же следует отметить, что в крупных заводских библиотеках кое-что в этом направлении делается: проводятся литературные «пятиминутки» и беседы в цехах, устраиваются литературные вечера и читательские конференции (**библиотеки клуба «КОР» и завода «Динамо»**). Большая работа с читателем проводится и в **библиотеке клуба им. Дзержинского.** Помимо литературных вечеров тщательно собираются и подклеиваются в альбом отзывы читателей, существует специальный альбом библиографии; библиотека объявила писательский конкурс на лучшую книгу о хозяйственниках, назначив жюри из числа читателей-инженеров. Этот же библиотекой проделан чрезвычайно интересный опыт организации «кружка друзей библиотеки» на наиболее активных читателей. Члены кружка участвуют в работе по чистке библиотечного фонда и его комплектованию, в оформлении выставок, в проведении литвечеров, в составлении библиографических статей и т. д.

Этот опыт вовлечения в работу библиотеки читательского актива должен быть подхвачен всеми библиотеками.

При посещении ряда московских библиотек в учреждениях мы столкнулись с тем, что большинство сотрудников учреждения вообще не знает, где находится и когда бывает открыта библиотека (**библиотека МСНХ**).

А подбор книг в этих библиотеках?

Новинки пролетарской и попутнической литературы отсутствуют из-за недостатка средств на их покупку. Зато на видном месте красуются и вызывают усиленный спрос... Уильям Дж. Локк и Оливия Уэдели (**библиотека месткома Наркомздрава**).

Основной состав читателей в этих библиотеках — средний совслужащий; квалифицированного читателя, очевидно, не собирает такая литература, а низкие служащие остаются неохваченными библиотечным сальдьером непонятливости библиотечных работников.

Недостаточная работа с читателем сказывается и в заводских библиотеках, где процент подписчиков — служащих превышает процент рабочих не писчиков. (**Завод «Парострой»**).

Все же следует отметить, что в крупных заводских библиотеках кое-что в этом направлении делается: проводятся литературные «пятиминутки» и беседы в цехах, устраиваются литературные вечера и читательские конференции (**библиотеки клуба «КОР» и завода «Динамо»**). Большая работа с читателем проводится и в **библиотеке клуба им. Дзержинского.** Помимо литературных вечеров тщательно собираются и подклеиваются в альбом отзывы читателей, существует специальный альбом библиографии; библиотека объявила писательский конкурс на лучшую книгу о хозяйственниках, назначив жюри из числа читателей-инженеров. Этот же библиотекой проделан чрезвычайно интересный опыт организации «кружка друзей библиотеки» на наиболее активных читателей. Члены кружка участвуют в работе по чистке библиотечного фонда и его комплектованию, в оформлении выставок, в проведении литвечеров, в составлении библиографических статей и т. д.

Этот опыт вовлечения в работу библиотеки читательского актива должен быть подхвачен всеми библиотеками.

Бригада считает необходимым отметить еще одно подлежащее изменению в работе наших библиотек. Мы имеем в виду их совершенно недостаточную финансовую базу. Местком Наркомздрава на весь текущий год отвел на нужды библиотеки, имеющей 5.360 читателей, **170 рублей; библиотека завода «Парострой»** в течение всего 1930 года имела всего лишь **30 руб.** в месяц; районная **библиотека им. Достоевского,** обслуживает 15.000 томов, получает от ВОНО... около **60 руб.** в месяц и то нерегулярно.

В эти микроскопические суммы должны войти и закупка выходящих новинок, и содержание библиотечного сектора, часто сводящегося к одному, в лучшем случае — двум работникам, естественно не справляющимся с работой, и текущие расходы. Даже общее для всех библиотек мероприятие — покупка книг в библиотеке не распространяется на такие библиотеки, так как они просто не в состоянии забирать причитающуюся им по разверстке норму.

Многие библиотеки для сокращения расходов ухудшают свой штат, доводя его до одного, в лучшем случае — двух работников, которым, естественно, не в силах справиться со своей необъятной технической и массовой работой. Тогда, с целью рационализации работы, библиотека переходит на «самотек» между прочим. Однако это «рационализация», уменьшая работу библиотекаря, лишает его возможности вести учет выдаваемых книг по разделам, авторам и лицам, изменяя все это показателя одним регистрационным номером и сводя работу библиотекаря к механическому обмену книг.

Такое положение, выявленное нашими мерными уразвернутыми смет, свидетельствует о недооценке роли художественной литературы. Средства, отпускаемые библиотекам, должны обеспечивать им возможность плодотворной работы в соответствии с элементарными требованиями, которые советский читатель вправе предъявить к своей библиотеке.

БРИГАДА МАПП и «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»:
А. АГЛИЦКИЙ (МАПП)
Е. ПЕЛЬСОН («Литгазета»)

На выставке мировой революционной печати

Напишем историю гражданской войны

Пролетписатели средней волги приступают к реализации постановления ЦК ВКП(б)

Секретариат средневолжской краевой ассоциации пролетарских писателей на об'единенном заседании совместно с правлением и активом Самарской АПП постановил: немедленно включиться в работу по созданию «Истории ГВ».

Все организации АПП, рабочие литкружки, ЛОКАФ и ОПКП Средней Волги развернут массовую работу по составлению истории гражданской войны, призывая к сбору необходимых материалов всех писателей, литкружковцев и участников гражданской войны.

Вся работа на предприятиях должна быть усилена с призывом ударников в литературу, должны быть призваны в литературу ударники - участники гражданской войны — авторы исторических материалов.

Для оперативного руководства работой КрайАПП выделена комиссия в составе тт. Чибуряева, Горюнова, Фролева, Сарватеева и Тимофеева. Намечено провести ряд слетов-конференций участников гражданской войны, привлечить писателей к отдельным частям РККА, партизанам, красногвардейцам, активно содействовать работе центральных редакций «истории».

В Самаре решено издать несколько сборников по истории гражданской войны на Средней Волге. Первый сборник будет издан к XIV годовщине Октября.

Авторы „истории гражданской войны" приступают к работе

Осоавиахимовская организация московского завода «Каучук» развертывает кампанию по собиранию опыта борьбы в гражданской войне.

В обращении ко всем осоавиахимовским организациям Советского союза совет Осоавиахима завода «Каучук» сообщает об организации комиссии содействия по собиранию материалов на активистов Осоавиахима, старейших красноармейцев и партизан, работающих на заводе.

Осоавиахимовцы организуются

Осоавиахимовцы организуют вечера воспоминаний, беседы участников гражданской войны с призывниками и выпускают специальный номер многотиражки «Резинщик на-страже», посвященный воспоминаниям о гражданской войне. — Це должно быть на одного завода, фабрики, шахты, совхоза и колхоза, который не вписал бы в сборник истории гражданской войны своих страниц, — говорится в обращении рабочих «Каучука».

Проведением этой работы еще раз докажем нашу боевую готовность на любой призыв партии быстро и организованно отвечать конкретными делами.

*

Совещание заведующих архивными управлениями РСФСР предложило центральным архивам Октябрьской революции и Красной армии, а также всем местным архивным управлениям максимально усилить свою работу по выявлению документов, необходимых для использования их в издаваемом сборнике.

**

Собрание начсостава частей 4 Ленинградской кавдивизии заслушало постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и вынесло резолюцию, в которой призывает весь начсостав дивизии, как старейшей боевой части, принять на себя обязательство участвовать в издании Истории под лозунгом: каждый командир должен выполнить решение ЦК и дать свои воспоминания по истории гражданской войны и мирного строительства РККА.

На собраниях отдельными командирами и политработниками были взяты обязательства написать очерки гражданской войны и сделаны вызовы командирам других частей.

Постановление секретариата РАПП об „истории гражданской войны"

1. Предложить всем местным АПП и пролетписателям оказывать всемерную помощь редакции «Истории гражданской войны» во всей проводимой ею работе.

2. Одобрить инициативу ленинградской группы «напостовский призыв», об'явившей призыв ударников, партизан и участников гражданской войны в литературу.

3. Созвать в ближайшее время совместное заседание секретариатов РАПП, МОПКП, ФОСП, ЛОКАФ, МОРП, на котором просить литературную комиссию редакции «истории гражданской войны» сделать доклад.

Исполбюро ФОСП на заводе им. Ильича

Третьего дня исполбюро ФОСП впервые провело выездное заседание у своего шефа — коллектива рабочих завода имени Ильича. Как известно шефство ильичевцев над ФОСП до сих пор никак не реализовано по вине обеих сторон — и рабочих завода им. Ильича, и наших литературных организаций.

Первый выезд исполбюро ФОСП на завод должен оживить шефство ильичевцев над ФОСП, послужить толчком к действительному осуществлению этого шефства. Поэтому писательская общественность придает особое значение этому выездному заседанию и в заводской клуб прислали многочисленные писатели, представители ФОСП, РАПП, РОПЛП, ВОСП, ЛОКАФ и Всероссомдрама. Однако, заводские общественные организации не сумели заинтересовать и привлечь на заседание исполбюро ФОСП рабочую массу и в результате в клубном зале завода им. Ильича оказалось больше писателей, чем рабочих.

Тем не менее оживленному обсуждению и со стороны присутствующих рабочих и литкружковцев, и со стороны писателей подверглись доклады И. Макарьева (РАПП), И. Евдокимова (ВОСП), Г. Тарпана (РОПЛП), С. Кожатчикова (Издательство «Федерация»), П. Арского (Всероссомдрам), С. Вашенцева (ЛОКАФ) и Г. Коренева (ФОСП) о работе литорганизаций по художественному показу героев пятилетки.

В прениях, в которых приняли участие Г. Никифоров, П. Слетов, Т. Натапов (завод Ильича), Н. Шушканов, И. Сельвинский, П. Скосырев, тт. Гехтман, Кивович (завод Ильича) и др., были также обсуждены вопросы шефства завода Ильича над ФОСП, были затронуты и некоторые вопросы творческой дискуссии.

Для выработки резолюции избрана комиссия в составе тт. Гехтмана (инструктора завода им. Ильича), Щетинина (культорга завода им. Ильича), Г. Коренева, Н. Шушканова и С. Мстиславского.

Подробный отчет о заседании будет помещен в следующем номере «Л. Г.».

Всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей.

Показ лучших — боевая задача пролетлитературы ко всем членам МАПП

Со дня решения секретариата РАПП о художественном показе героев пятилетки прошло три месяца. Московская ассоциация взялась за работу одной из первых. Кое-что ею уже сделано, но сделанного недостаточно. Показ лучших — серьезная, сложная задача пролетарской литературы, боевое задание, стоящее перед РАПП.

Смысл этой темы — показать рабочий класс советской страны на новой ступени классовой сознательности, дать примеры новой социалистической личности, раскрыть новое содержание в отношении рабочего к труду, описать подвиги, деяния, поступки сотен, показать этим самым рост, под'ем, вступление в социализм миллионов, и, описав лучшего, воспитывать остальных, увлечь, заразить примером.

Поднялись ли на работу по художественному показу лучших наши кружки, мобилизованы ли вокруг нее ударники-призывники, намечены ли, продуманы ли пути наилучшего художественного выполнения этого задания, обсуждается ли на кружках, на творческих собраниях и в печати каждый удачный опыт того или иного писателя или кружковца, все ли трудятся над выполнением взятого на себя перед партией и пролетарской литературой обязательства?

Нет. Работа идет медленно, значение ее до конца не продумано, размеры ее сужены, жанры ограничены, в то время как она вмещает в себе разнообразнейшие жанры; в то время как она — и учеба для кружковца, и новая ступень в художественном развитии для уже сложившегося писателя. Задача трудная и ответственная, тем меньше оснований откладывать ее решение. Секретариат МАПП создал специальную комиссию-редакцию по художественному показу героев пятилетки. Редакция уже приступила к работе. Редакция организует: наблюдение над выполнением задания, творческую помощь авторам - кружковцам, издание лучших произведений в специальной серии, критику в печати всей творческой продукции по показу героев и в ближайшее время — выступление творческого актива с обсуждением уже написанного. Маяковская серия «Страна должна знать своих героев» намечена в виде ряда отдельных книжек размером от полулиста. Каждая книжка посвящена теме или иному герою социалистического труда. Кроме отдельных книжек будет выпущен большой сборник произведений о героях пятилетки.

Все члены МАПП, взявшие на себя обязательства по показу лучших, должны немедленно связаться с редакцией серии. Все товарищи, работающие над произведениями на эту тему, должны поставить редакцию в известность о ходе своей работы, о сроках ее выполнения. На сегодняшний день из 70 членов МАПП, об'явивших в свое время о своем намерении работать над темами показа героев, — выполнили обязательства только 10. Необходимо внести организованность в дальнейшую работу творческого коллектива МАПП, связанную с темой показа лучших.

Боевое задание, данное партией пролетарской литературе, должно выполняться лучше и энергичнее.

РЕДКОЛЛЕГИЯ МАПП ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОКАЗУ ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ

Адрес редакции: Тверская, 51, МАПП. Редакция по показу лучших, ежедневно от 12 до 3.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

Порочное наследство

о романе л. славина „Наследник" *

Сюжет романа несложен, хотя героическое усилие Л. Славина шло по линии психического усложнения и личной судьбы и социальной биографии героя на фоне войны и революции. Автор в итоге за большей литературностью своего произведения попытался основного героя Сергея Иванова какими-то чертами соединить с чеховским Ивановым. «Наследник» Славина, считая себя большевиком, могли истерически орет: «Иванова» я прочел. Не понимаю, почему вы так волнуетесь. Да, я сын ему. Но я ему не наследник» или: «я за тенденциозность, за работу вместе с другими (!), за личное счастье для бедняков (!) За беспощадность к врагу. Только дай мне бог сохранить все эти качества». Все это, конечно, явные пустяки по стилю героя — особо, искусственно и плохо прилепленное к чеховскому герою.

Дело не в чеховском Иванове. Дело — и проще и хуже. Основного героя своего Сергея Иванова наделал автор и сложным социальным происхождением и сложной по тем временам панисальной принадлежностью. Милый и чуткий юноша, который двенадцатилетним поступил в революцию, был сыном купеческой дочери (еврейки) и графским внуком. Белорусский «полумужик-полукупец» идейно сосредоточен в сложнейший период исторического развития. Биография героя, его рост, его судьбы разворачиваются автором в этих конкретных условиях. Ясно, что психология такого сложного действующего лица не может быть лишена всяких противоречий, идейных мук и сомнений и прочих своеобразных политических «тяжестей», присущих человеку, соединившему в себе два классовых и две нации. На этом просторе и разгулялся Л. Славин.

Еще на школьной скамье вовлекается «наследник» в социалистический кружок (так захватывает роман центрально-революционное подполье). Я величайшая ненависть начинает, постепенно увеличиваясь, расчеловечивается с этих страниц. Сознание такого сложного героя, конечно, противоречиво, раздвоено и т. д. Но самое интересное то, что от противоречия к противоречию, от одного психологического состояния к другому переход совершается легко и безболезненно из пятого-десятого,—а то и меньше страниц. Политический подпольный кружок еще не дифференцировался, объединяя сочувствующих и большевиков и меньшевиков. О своих убеждениях Сергей Иванов говорит (роман написан от первого лица), что «когда стали говорили, что победа над немцами украсит самодержавие... я сделался пораженцем», но «приезд с Реймским собором подействовал на меня, я и сделался оборонцем» (стр. 17), но «я быстро сделался опять пораженцем, когда увидел, что все наши гимназисты (даже Лидочка Шель) гуляют в прапорщиках» (стр. 17).

Длинная история об украшательстве Сергея от военной службы при помощи двух дедушек—купца и графа—сводится самым образом к норке здоровья при помощи также спасающейся от войны группы золотой молодежи, в беспрерывных кутежах, попойках с проститутками, разврате, с подчинением идиотской философии старшего в группе сутенера Гуревича, главного руководителя и воспитателя «революционера» Сережи. Не менее любопытна идеология Сергея и его руководителя по подпольному кружку студента-большевика Кислицкого. Последнему Сергей Иванов говорит, что его материалистические убеждения часто «колеблются идеалистическими свидетелями во главе с Эрнстом Махом» (все это закручено автором ради красного словца). Диалектическому материализму и понимению коммунистического строя ученика своего Кислицкого обучает так: «Мечты (а карты только частный случай), лицо, любовь, или, скажем, лыжные бега вовсе не будут нами отвергнуты при переходе из плоскости необходимости в царство свободы... Сергея, Сережа, хотя они основаны на изменчивых клетках материи, имеют свое сознание» (стр. 21).

Вообще же всех политических и всяких других колебаний главного героя передать просто невозможно. Для этого пришлось бы написать не книги очень много планчиков, рисующих и уровень литературного понимания определенной социальной психологии и чрезвычайно нежелание буржуазно-дворянского интеллигента в революции. Бегло, в двух-трех строчках, перечисляя и описывая противоречащие друг другу поступки Сергея, автор полагал, вероятно, что он художественно изобразил импрессионизм интеллигентских настроений. Так, например, уже на войне, наблюдая грабеж крестьян солдатами, Сергей восторженно думал о мародерстве, «но, к вечеру —только он—я решительно встал на сторону крестьян, тронутых их кражами» (стр. 188). Утро, как известно, вечера мудренее. Что будет с ним на следующее утро Сергей не мог бы ответить. В армии на фронте, узнав о революции, Сергей радуется, прочитав в газете воззвание Московского комитета РСДРП(б), а затем—«меня также чрезвычайно утешила речь Керинского, которой пришел с совет рабочих депутатов сообщить, что он стал министром. Глотая слезы, я читал...» и т. д. (стр. 24).

С иронией и явной насмешкой, не над Сергеем, конечно, а над всем процессом формирования профессионала-революционера, рассказывает автор (устами героя) о возражении Сергея Иванова в большевиках после агитационных речей и упреков молодого подпольщика Стамати — друга Сережи. После разговора со Стамати — говорит Сергей — «я точнее почувствовал себя доподлинным социал-демократом. Я обнаружил в себе любовь к «Искре», к лекциям, к массам, к Минскому комитету 1905 года... Мой разобранный организм бурно тянулся к четкости, к логике, к ортодоксальности, к непримиримости» (стр. 124). Такими высказываниями наполнена вся книга. Иронии героя над собой здесь никакой нет. Все это говорится серьезно, в этакой манере фиоль-пом тоне при собливаемом полного «обрывизма» автора, сочувствующего своему герою.

И если во всем этом творческая методология автора заставляет его сделать удивительные рекорды по темпам и быстроте исторических изменений во взглядах и настроениях главного героя, то вторая часть книги — Сергей на войне и в Октябрьские дни — является совершенно исключительной по ряду своих качеств.

Автор, почти нигде и ни в чем не показывая трудностей революционной работы в царской армии, дает такое до умиления простое и странно торжественное описание всех «героических» действий Сережи, что вместо серьезного и художественного показа людей и событий получается полезная карикатура на подпольную деятельность большевиков среди солдат эпохи империалистической войны.

Конечно, образ Сергея Иванова вождю и вождю рабочих и большевиков. Его революционная деятельность в армии изображается обычно просто и коротко. «Тем временем я прочно наладил связь с соседними частями» (стр. 191). Или—«я хотя атака же-таки была, она не помешала нам запобрать своих людей во всех частях» (стр. 192). Через одну страницу, вспомнив, что главный герой —колебавшийся интеллигент, автор заставляет Сергея говорить (вместо прежнего солдат к революционному сопротивлению)

— «Я верю в революционную силу непротивления» (стр. 193).

Но с особенным блеском и пышностью разворачивается революционная деятельность Сережи в дни Октябрьских боев в Москве. Тут что ни шаг — то героический подвиг, вперемежку с оценкой своего собственного величия и самообожанием. В кармане у Сережи — три московских адреса. «Я решил в промежутках между боями... обязательно обегать по всем трем адресам, чтобы—я эти мысли ни сколько не мешают мне выдвинуть один из наших пулеметов до Нескубинского театра и искусной стрельбой заставить умолкнуть юнкерский бомбомет у дверей отеля «Метрополь» —пронзить к груди Гуревича (жулика и сутенера — друга большевика Сережи?)—МС)... закусить у Шабельского (граф, дедушка герой — М. С.)... и увидеть милую, милую серые глаза и ужин кожи Катюши Шаховой» (стр. 244). Дальше идет замечательная сцена ареста священника Шахова, отца Кати. Еще дальше окончательно перевоплотившийся герой дает нагоняйку (автор «обсуждение» в стороне) на тему об обучении рабочих стрельбе во время боя. Рабочие, видите ли, «нахмы как дети или как женщины... они не знали простейших правил укрытия от огня, они брали в плен броневик, видя в него бомбы жестом старых пророков в горожки» (стр. 250).

Тут же в месте в карьер большевик Сережа, внук купца и внук графа, немедленно отрекается по причине растворения своей классовой культурной личности в массе бойцов за Октябрь. «Мне не удалось прославиться, я не мог опередить товарищей, я начинал устыдить от войны(!), где не было никаких шансов сделаться героем». «Мне казалось, что я стерся, обезличился в этом сражении, общего хода которого я не понимал»... (стр. 250).

Во время артиллерийской стрельбы наши «большевики» испытывает страх. Страх выразился в том, что Сергей ощутил мгновенно всю хрупкость своего черепа, мягкость и даже текучесть тела, покрытого не более чем кожей—при том из грубой, мозолистой коркой, пролетарии, а нежной розовой, нежной интеллигенте, истерзанной постоянными умыканиями» (стр. 253). Таков этот положительный герой, который сам себя называет борцом за социальную революцию (стр. 254).

Чрезвычайно интересно, как этот законченный пошляк относится к представителям других классов и идеологий. Так, например, меньшевика Ремизу он называет «социалистом дальнего прицела», который «по добрате своей натуры... на всю силу и красоту каких-таких... смотрел с жалостью, как смотрят на рахитик туберкулезного» (стр. 256).

К дедушкам своим — купцу и графу — Сережа относится с любовью и добродушием. Дедушка Абрамсон—честный купец, довоенной чистоплотности. Дедушка граф — «цивилизованный ум своего времени» и милый, симпатичный старик, «смеренный позитивист» (стр. 243). Сереже, вернувшемуся в квартиру с большевиками-рабочими, дедушка-граф оказывает хорошую теплую встречу. Арестованная дедушку, Сережа боится, как бы не взбалмать.

Особенно трогательно отношение Сергея к своему другу Гуревичу. Еще накануне Октября Сергей называет другому товарищу:

— «Мне хочется обратить Гуревича в большевика, все-таки это будет приобретение для партии, как ты думаешь? Как ты думаешь, Володя, чтоб партии может быть дураком? Или так: дурак может быть членом партии? Я думаю, что да, ведь партия могут понадобиться другие его свойства, скажем, честность, храбрость, а в известные случаях даже и глупость» (стр. 241).

Уже много времени спустя, после произнесения этой тирады, встречая Гуревича в компании преступных и поручика Третьякова, под влиянием речей Гуревича Сергей почувствовал, что им «зреет интеллектуальное опьянение». Это интеллектуальное опьянение заключается в том, что Гуревич предлагает Сергею выбрать — социализм или чудный погребок и нарядных женщин. «Что, разве большевики — монахи?». Сергей колеблется. «Простота этого аргумента поражала меня... я проникался прелестной легкостью той жизни, которую вел Гуревич, всей ее обольстительностью, против которой тем труднее мне было бороться, — что же в сущности противоречило ей? Общественные орудия производства? Восьмичасовый отпуск беременным?» (стр. 261).

Таков социализм в представлении большевика Сережи.

Но «героическим усилием воли» Сережа при поддержке автора выбирает социализм!

Кончается роман не менее героическим подвигом Сергея, идущего на Украину для борьбы с белыми. Выведя в мерзостном листке добровольцев вырастающим рогачевским «Сергей Иванов», или герой вспоминает, что в книге по графологии «такой росчерк обозначает характер твердый, стальной и предвещающий славу» (стр. 265).

* * *

Комментарии к этой книге, как говорится, излишни. Заслуживает внимания другой факт — творческий метод писателя. Ни сюжет «Наследника», ни тем более тема данного романа не являются чем-то идеальным или фантастической выдумкой. Вполне возможен такой герой, как Сергей Иванов, как возможен и переход к большевизму интеллигента, вышедшего из дворянской или буржуазной среды. Не в этом, конечно, жизненном факте, лежит в основу произведения, заключается природа творческого метода автора. Она заключается, во-первых, в самом отношении писателя к действительности, в неумении или нежелании понять противоречивость развития, трудности переделки людей в процессе классовой борьбы. С другой стороны, она зачастую нежелание писателя диалектически перестраиваться, перевооружаться, драться за подлинное и большое искусство большевизма и заставляет этим по линии приспособленчества.

Само собой разумеется, что все это не могло не сказаться и на художественности романа. Нельзя не говорить, что образы этого произведения, несмотря на отдельные верно схваченные черточки (Абрамсон, Гуревич, поручик Третьяков и др.) в конечном счете бледны, схематичны, а главное — лишены по своей внутренней природе. Метод, по которому автор всячески пытался «усовершенствовать» психологию действующих лиц, в мог, да и не может в конечном и определить объективных закономерностей в развитии того или иного социального типа. В итоге — бездушная схема.

Торопливость автора приводит к очень-таки не подготовленных моментах. Так, например, неизвестно как очутился в Москве граф Шабельский, Гуревич, Катя, Шахова с отцом.

Темпы развертывания сюжета гонят автора без остановки все быстрее вперед к завязыванию бесчисленных сюжетных узлов и линий, стоять свойственных бульварному и приключенческому роману, но никак не свойственных той теме и идее, которые в данном произведении должен был бы изобразить автор.

Даже язык мстит автору. Пошлость мещанской отделкой лежит и на стилистические особенности книги. Одна из героев выражается так: «тому дало на обрезание» (стр. 147), главный герой мучительно напрягает «серадным клиньем» (стр. 233), говоря в другом месте, «что все события совершались за стенками моего черепа, на небольшом плацдарме мозга, где разыгрывались аннаперы и заговоры» (стр. 252).

Не менее колоритна в авторской передаче речь графа Шабельского о разговоре с Чеховым. Чехов — графу: «Я, — говорит,— изображал не личность, а тип, меня не личность интересует,— говорит, — а социальная категория». Граф — Чехову: «Слушай,— говорю,— наизобразили таких типов, что дальше некуда. Почему же, — говорит, — вы так говорите? Да как же, — говорю, — меня вы тем почему-то называете закрывательным, а я там все больше насчет жизни выражаюсь». (стр. 221).

Так и предсказание автора и его героя разговаривает граф и Чехов. Все это скорее всего подсказывает известную идейную близость автора и многих героев Бощенко.

А вот еще рассуждения и стилистические красоты мыслей вдоль Сергей Иванова. «Побудь перед боем осенним пейзажем Петровского парка, Сергей жалеет, что рядом с ним — этот «грубая Стешка» — солдат-большевик. «А не человек пошлятинешкой. Кто бы бы войти со мной в обсуждение этих проблем — не могущий этим и сравнение с картинами хотя бы уличного боя — и тут не без удовольствия припоминал свою фигуру, обвязанную с красным знаменем в пороховом дыму (однако, снять не первым, но позади кого-то же Степанова) в здание Алексеевского военного училища, обнищавшего в своей сдаче» (стр. 257).

«Кто бы мог войти, «не могущий мгти», «фигура, развевающая с знаменем», «здание, обнищавшее в сдаче,— таких порлов языка можно было бы привести еще больше, но и этих достаточно, чтобы охарактеризовать уровень художественности романа.

Было бы, однако, несправедливым обойти молчанием те немногие положительные моменты книги Л. Славина, которые дают некоторое право надеяться, что автор сможет перейти на путь правильный, на путь подлинно советского писателя.

Автор вовсе не бездарен. При всех потрясающих ошибках, пусть насыщенных книгу, есть и немало страниц, и не плохо нарисованные герои. Отдельные места в романе, относящиеся к пребыванию Сергея в казарме, своих встречи с австрийскими солдатами, образы поручика Третьякова и Гуревича, хотя и не выдержанные до конца, дают известную сумму верно схваченных черточек характера, положений и особенностей героев.

При всех своих стилистических срывах книга читается легко, временами, иногда редко, увлекательно и обнаруживает в авторе несомненно интересного рассказчика. Все это можешь собственно говоря, и дает возможность надеяться, что при помощи честной критики, автор этой весьма неудачной и плохой книги все же сумеет стать действительно полезным советским писателем.

Было бы непростительной ошибкой за основания первого и крайне плохого литературного опыта причислить автора «Наследника» к рядам наших классовых врагов. Но тем не менее, надо со всей серьезностью указать молодому, начинающему писателю на его ошибки, на опасность пути, который может привести его к литературе, прямо и откровенно враждебной идеологии пролетариата.

* Л. Славин. «Наследник». ГИХЛ. 1931 г. Стр. 265. Ц. 2 р. 25 к.

Корни „литфронтовщины" еще не выкорчеваны

Мы печатаем статью т. Рожкова, бывшего активным участником группы «Литфронта».

Эта статья представляет интерес, как документ, показывающий, что последняя «литфронтовщина» не изжита из опыта и психологии литературной дискуссии, в которой «Литфронт» обнаружил свою контрреволюционную оппортунистическую сущность. И. Рожков ни единым словом не упоминает о выступлениях ЦО партии по поводу «Литфронта» и бронзоры самого Рожкова, о многочисленных решениях пролетарских литературных организаций и статьях ЛИН Комакадемии, данных соответствующую оценку и установкам «Литфронта» в целом и бронзоре Рожкова.

Пролетарское литературное движение идейно разгромило «Литфронт». Но осколки этой группки не сложили оружия. Возможны рецидивы «литфронтовщины», часто в самых неожиданных вариантах.

Статья Рожкова наглядно подтверждает необходимость усиления бдительности пролетарского литературного движения к рецидивам литфронтовщины и усиления борьбы за выкорчевывание ее идейных корней.

Об искусстве как гиперболе и о прочем

В своей статье о журнале «Литературная в искусство» («Литературная газета» № 20 июня) тов. Михайлов между прочим критикует одно место из моей статьи о Б. Горбатове. Тов. Михайлов изображает смысл моей статьи таким образом: основная ошибка «Наперегонки» Б. Горбатова — это сказывается то, что отрицательные герои романа доступают людям, имеющим много положительного. Нисколько это так, обсуждать не будем. Но вот какой вывод предлагает Рожков»... Далее тов. Михайлов рисует тот вывод, который я предлагаю, т.е. приводит следующую цитату из моей статьи:

«Значит,—скажет нам читатель,—у отрицательных людей нет ничего положительного? Ответим: во-первых, сущность искусства состоит не в том, что бы копировать все краски и все звуки (на это есть стенографы и фотографы), а в том, чтобы давать логику событий, чтобы дать взаимное и отбросить второстепенное... Это значит, что в интересах большей художественности и большей выразительности содержания мы можем отбросить разные «положительные» штучки. Требуйте и сильнее оттенить их отрицательные свойства. Мы имеем право допустить такие гиперболы, ибо искусство само есть не что иное, как гипербола, т.е. оно по сути своей отбирает и преувеличивает».

Цитируя эту цитату, тов. Михайлов заявляется следующей тирадой:

«Вот предельно-выраженная философия вульгаризации. Теории приспособленческой красной халтуры, тем более отвратительной, что здесь, как правильно говорит т. Авербах, «дискредитируется самая великая идея нашего времени —идея большевизма», — эти теории могут торжествовать, они нашли своего основоведа и защитника».

Во всему этих рассуждений и выводов тов. Михайлова я должен заметить следующее.

1) Основная ошибка романа Горбатова состоит в том, что в этом романе Горбатов, исходя из метода «разоблачения действительности» и «живого человека», на самом деле дает извращение действительности. Получается на такое извращение в результате того, что действительность показывается не по методу непримиримой борьбы противоположностей, а по методу показа доброго в злом и злого в добром. Тов. Михайлов глубокомысленно обходит молчанием тот факт, что именно за этот свой метод роман подлит на щит т. Селивановским как роман политический в утверждающий идею партийности, как роман, бодрый по «лакировке действительности».

Интересно было бы знать, какого же мнения на этот счет придерживается тов. Михайлов? В чем основной методологический порок романа с точки зрения тов. Михайлова?

2) Если бы тов. Михайлов поглубже вдумался в суть вопроса, то он без сомнения пришел бы к тому выводу, что положение: искусство не должно копировать все краски и звуки, а должно давать логику событий (т.-е. логику классовой борьбы), оно (искусство) есть в этом смысле гипербола и по сути своей отбирает и преувеличивает, что это положение является абсолютно истинным и не только не дает повода для торжества «творцам красной халтуры», не только не «дискредитирует самую великую идею нашего времени — идею большевизма», но как раз наоборот: бьет именно по красной халтуре и ведет к утверждению идеи большевизма. Я должен прежде всего заметить, что это положение (о сущности искусства) разделяется не только мною, но и сторонниками самого тов. Михайлова. Ведь именно в предисловии к «Наперегонки» Горбатова тов. Селивановским написано буквально следующее: «художественное произведение всегда есть в той или иной степени обобщение, оно устраняет различные, не существенные для темы обстоятельства, и детали, выявляя и комбинируя основные, решающие тенденции»... В приведенной тов. Михайловым цитате из моей статьи я говорю не больше, но меньше, как то, что искусство должно быть обобщением (в образах), а не фотографией и стенографией. Ведь в данном случае я только утверждаю, что искусство (настоящее, подлинное искусство) «выделяет и комбинирует основные, решающие тенденции», т.-е. иными словами, оно есть гипербола, так как отбирает и преувеличивает. Разве Гоголь в «Мертвых душах» не дает такие гиперболы? Разве он не преувеличивает, рисуя нам Собакевичей, Ноздревых, Плюшкиных и т. п.? Разве Щедрин не дает гиперболу, рисуя нам историю города Глупова с его «Органчиком»? Разве Сервантес не преувеличивает? Ведь в действительности едва ли был такой человек, который «дрался с мельницами» и носил эта цирюльника на своей голове. А разве Свифт не гиперболизирует, когда изображает своих лилипутов, академиков и гуннинов? Можно привести тысячи подобных произведений большого, подлинного искусства. В чем же тут дело? Почему художник прибегает к гиперболе, к преувеличению, не вредит в то же время в халтурщину и т. п.?

Дело в том, что искусство есть гипербола, отбор, преувеличение по отношению к наличной действительности. Дон Кихот Сервантеса, Дрозденко Щедрина, академики Свифта, Чичиковы и Подгоревы Гоголя — являются гиперболой по отношению к наличной эмпирической действительности, но по отношению к логике событий, к логике классовой борьбы, т. е. по отношению к действительности в самом глубоком значении этого слова, — все эти «преувеличенные» обобщения в образах как раз схватывают основное и главное, отбрасывая второстепенное. Именно эта черта и должна являться основной для подлинно большевистского искусства.

3) Представим дело таким образом, что основная ошибка «Наперегонки» (с моей точки зрения) — это то, что герои этого романа выступают людьми, имеющими много положительного, тов. Михайлов далее продолжает: «В чем суть дела? В том, что Рожков и его литфронтовские друзья допускают, что у классово чуждых нам людей есть положительные стороны. А мы говорим, что нет этих сторон. Отвратителен нам классовый враг, и тем более отвратителен, что именно он может иметь положительные качества. Только именно!».

Суть дела совсем не «в том», многоуважаемый тов. Михайлов. Во-первых, ошибка в показе отрицательных людей —не основная ошибка романа, а только часть ошибки. Во-вторых, тов. Михайлов грубо извращает смысл моей статьи, когда говорит о том, что Рожков допускает, что у классово-чуждых нам людей есть положительные стороны, в то время, как, лекгать, те, о которым Рожков вопит, считают, что классовый враг отвратителен и что положительные качества его только внешни. Фактически дело обстоит совершенно не так. Ведь метод «живого человека» требует «обнажения внутренних противоречий», а не внешних. Этот метод есть «диалектика души» единичного человека. И именно по отношению к этой диалектике души, т. е. по отношению именно к внутреннему существу человека (как только единичного человека) метод этот требует показа доброго в злом и злого в добром. В этом, а ни в чем ином, заключается острота проблемы.

Именно Рожков стоит на той позиции, что классовый враг в искусстве должен быть показан классовым врагом, что у него нет принципиально положительного, т.-е. положительного с точки зрения логики действительности. О том, что у классового врага есть разные «гуманные» привычки и возможные «живые черточки» (он в туфлях и халате, он нежен с женой и детками и т. д., и т. п.) — никто не станет спорить. Против допущения таких «положительных» качеств нет смысла восставать. Основное зло состоит не в допущении показа таких черточек, а в том, что показ гнусных и классово враждебных людей — логика образа предстает перед нами, как равновесие, как сожительство положительного и отрицательного, а не как борьба и снятие одной тенденции—именно в идейном, в принципиальном смысле.

В этом смысл моей статьи.

Ведь я и слово-то «положительные» беру в кавычки. Это значит, что я отрицаю у классово враждебных людей положительное с точки зрения принципов, идей (т.-е. с точки зрения логики образов). На таком же основании тов. Михайлов делает тот вывод, что Рожков допускает, что у классово чуждых нам людей есть положительные стороны?! Этот вывод из откуда не следует.

П. РОЖКОВ

Кто сказал, что Рожков — диалектик-материалист?

Идейные позиции «Литфронта» осуждены партийными органами (см. статьи в «Правде», постановления бюро ЦК ВКП(б) Гезиры, бюро Фрунзенского райкома ВКП(б) и т. д.) и пролетарской литературной общественности. «Труд» И. Рожкова (его литфронтовская брошюрка «Против толстовщины и ворошиловщины») особо встретил резкий отпор («Правды», пленум совета ВОАПП и идейка ЛИН. «Ответ» И. Рожкова заматывает все эти факты. Ничего не случилось. Таков смысл ответа И. Рожкова.

Этот «ответ» содержит два основных положения:

1) Рожков утверждает, что искусство есть преувеличение, гипербола.

2) Рожков протестует против указаний на то, что в творческой теории литфронтовцев вопрос о показе классово-враждебных людей обстоятельно основывается на предположении «положительных» сторон у этих людей, которые по этой теории следует отбрасывать, замалчивать.

Прежде всего необходимо рассеять критический туман «ответа». Рожков пытается спекулировать на цитате из статьи тов. Селивановского. Совершенно правильное положение об искусстве, как обобщении, подменяется формулой «преувеличение». Однако обобщить что-либо отдельное, выхватывая Рожкова) еще не значит — преувеличивать. Это ясно каждому, но мешно Рожкову.

И. Рожков остался непреклонному подлостью перед установкам литфронтовщины и пожалуй даже сказал больше, чем говорили литфронтовцы. Для такого вывешен, как искусство является «преувеличением». Гоголь, Сервантес, Щедрин, Свифт, как известно — сатирики, а сатирики, как известно, «преувеличивают». Сатирики создают художественные произведения. Следовательно (по Рожкову) искусство и есть преувеличение. Бесспорность такого вывода ясна. Очень неуклюже и неопрятно пытается Рожков отсекретить особенности одного жанра — сатиры с особенностями пролетарского искусства вообще.

Тут характерна, во-первых, обычная для литфронтовцев подмена вопроса о методе вопросом о жанрах (сатира) и здесь уроки дискуссии ничему не научили Рожкова). Во-вторых, из высказываний Рожкова следует, что «старшим» жанром в пролетарской литературе является сатира — выход из мещанской мерзости сомнительный и необоснованный, есть не обоснованный теоретически. В-третьих, из «Ответа» Рожкова следует, что ни Хлебников, ни Чернышевский, ни М. Горький (вначе в примеры) не являются представителями искусства; специфика искусства усматривается Рожковым в том, что искусство создает образы людей, которых не может быть в «наличной действительности» («я действительности, — пишет Рожков о Сервантесе, — вовсе ли был такой человек, который сражался с мельницами и носил эта цирюльника на своей голове»). Нетрудно видеть, что И. Рожков сравняется здесь с наивным реализмом, попадая в плен суб'ективизму... во всяком случае диалектический материализм тут не при чем.

Но может быть формула И. Рожкова (искусство — преувеличение) верна хотя бы для сатирического жанра? Конечно, нет. Рожков противоречит сам себе, диалектический материализм тут не при чем, когда говорит о том, что произведения сатириков по отношению к логике классовой борьбы «суммируют основное, главное». Вот это верно. Следовательно в чем-то другое дело, — следовательно сатира очень условно может быть названа «преувеличением», следовательно сатирическое «преувеличение» — особое, своеобразное, «преувеличение», «преувеличение», как форма выражения сатиры не похоже на обычные преувеличения, например, на классическое преувеличение (без кавычек). И. Рожкова, утверждающего, что теоретическая линия РАПП — троцкистская *. По линии «искусство есть преувеличение» И. Рожков найдет много союзников. Доморощенные Авербахи-Бескинские, Горбовы — протянут руку Рожкову, ибо понятие сказано и уменьшению родство теории искусства — гиперболы и теорий о художнике, создателем «порчи», «чистого», пролетарского (а по существу преувеличенную и лживую) действительность в искусстве.

Рожков суб'ективно против троцкизма. Но логика антиистина куда слабее железной логики борьбы, объединяющей троцкистов и литфронтовцев в один враждебный пролетарскому искусству лагерь.

Рожкова отводя не спасают рассуждения о принципиальном отличии «наличной действительности» от «логики действительности». В этой Рожков выступает, как идеалист. Он не понимает того, что «наличная действительность» и «внешняя эмпирия» являются формой выражения «вещи в себе», сущности этой действительности. И он зачеркивает «сущую действительность». Он не хочет иметь с ней дела. Он противопоставляет ее неизвестно откуда взявшую логику.

Но формуле «искусство есть преувеличение» — одна из основных вопросов пролетарской литературы — понимание пролетарского искусства как орудия познания связи с недавно ее революционной передовки — не может быть поставлен. Он и не старался литфронтовцами.

Какие творческие пути находятся перед художником, взятым в качестве руководства в своему творчеству эту формулу И. Рожкова, готовый в данном случае перефразировать слова своего учителя — И. Ворошилова. Один из возможных путей — путь приспособленчества и «красной халтуры».

«Что там позевать! Изобразим покрасивее, положительное коммунизма, изобразим изменение классового врага. Выполним, так сказать, «социальный заказ эпохи». Сколько провокационного в этих условиях халтурщиков и приспособленцев! Пролетарское искусство основывается на самом прямом, диалектико-материалистическом понимании жизни, ибо самому передовому, самому революционному классу — пролетариату — нет нужды что-то красить, ретушить, преувеличивать, преуменьшать. Разве обманывает кого-либо пролетариат? Хотят или не хотят последыши «Литфронта», но объективно их теории — именно на руку классовым, «краснохалтурщикам», приспособленцам.

Другой возможный путь — прямое смыкание с воронщиной, о чем мы писали выше.

Посмотрим, как анализирует критик Рожков «Наперегонки» В. Горбатова. Все время идет разговор о «положительных» и «отрицательных» качествах. Какое дело Рожкову, что через образы Звонцова и Киса В. Горбатов стремится бороться с анархизмом, с мелкобоязнью? Рожкова интересует одно: нравится они, или нет? Если не нравится, то очень жаль. Литфронтовщина в ее логическом завершении объективно является совершенно изгнать идейность из искусства.

В «Наперегонки» Горбатов проводит мысль через ряд образов и сценок (например, конец сценки «Пузо»), что прежние заслуги перед революцией не снимают ответственности за позднее преступление. Но что Рожкову до идей? Критик кричит: обвинения в троцкизме Горбатова, что нельзя у Трегуба отмечать такие качества, как участие в гражданской войне, что он должен быть законченным мерзавцем. Нельзя идейный уровень литфронтовского теоретика! Редко встречается такое вульгарное упрощенчество! *

«Наперегонки» имеет серьезные ошибки, которые в предисловии к роману, написанном тов. Селивановским, не раскрыты полностью. Но не о них сейчас речь. Роман Б. Горбатова понадобился И. Рожкову только как повод для развернутой формулировки литфронтовских установок.

Итак: «Ответ» И. Рожкова — продолжение и усиление его литфронтовской линии. Бережное игнорирование самокритики, недопустимое кольмование РАПП — таков «ответ» И. Рожкова на предъявленные ему требования партийных и литературных организаций осудить свою ошибочную систему взглядов.

«Литературная газета» помещает этот ответ, как дополнительное напоминание тем данным лицам, которые думают, что борьба с литфронтовщиной в пролетарском литературном движении закончена, о необходимости выкорчевывать идейные корни литфронтовщины до конца.

Б. МИХАЙЛОВ

* В своей статье о «Наперегонки» И. Рожков пишет, что «Наперегонки» — роман обычные с продвижениями тенденциями. И в то же время «Наперегонки» наиболее полно выявляет творческую линию наивнотистов (т.-е. РАПП, как объяснил И. Рожков в своей брошюрке). Вывод ясен.

* Кстати, в «Ответе» Рожков несколько «изменил», мягко выражаясь, формулировки, когда отметил такие «положительные» качества, как нежность к детям и т. д. В статье в «Литературе и искусстве» шла речь о поспешной хорошей работе Трегуба, об участии в гражданской войне и т. д.

Среди книг

Перестройка осознана, но не начата

СЕМЕН ОЛЕНДЕР. «Часовщик». Лирические стихи. «Федерация». 1931. Стр. 102. Ц. 1 р. 25 к.

Книга стихов Олендера весьма показательна с точки зрения кризиса интимно-субъективистской лирики, серьезных идейных противоречий автора-романтика лассизмо - совершенных мастеровий, уже начинающего пересмотреть в своем творчестве эти настроения, но еще не подошедшего вплотную к подлинной перестройке своего художественного метода.

Интуиционистская лирика ранней Олендера — об'ективно побег из действительности, романтическое стремление «в край волшебств и чудес». Все это обусловлено социальной природой, влиянием мелкобуржуазной среды, практической поэта, пошедшего в плен мелкости, мечты.

Поэт оглядывает свой старый квартал, где «в подвалах глаза набивала тень», где «сорные травы и быль», но не отказывается от пассивно-любительского манера восприятия действительности. Он любуется новыми сооружениями молодого квартала и знает: «исчезает мир домашних книжек и собственнических укуе», но новый «мещ» в душном мире и сожительнеском уюте скрывается его взгляд. Этот душный, незатейливый мирок сосредоточен в прихоже, в дальней тайне, где «в нашем старом доме уже сносят рамы». Этот мирок настолько узок и по-своему интимен, что от поэтических глаз не ускользает, как «кралучись, к научных тоций наук идет». Макроскопический, аполитичный, далекий от социальных бурь, затишенный от житейских смут лирический мирок обживает поэтом недаром. Здесь нашло себе приют потрясенное действительностью, разбранное сознание мелкобуржуазного интеллигента, полное собственнического эгоизма и крохоборческой созерцательности.

Эту интеллектуальную дрему, тупиковость, идейную безвыходность уже начал осознавать сам поэт. Появились серьезные сомнения, возникли опасные предчувствия. Наиболее ясны они в «Разговоре всерьез». В нем борются: активное стремление познать процессы действительности с отсталым, пассивным, мертвым восприятием созерцателя «вишенного пейзажа и зрительных окна». Поэт пытается преодолеть в себе растущего Пастернака с его социальной изолированностью — «Миры рождались, ну, а ты лишь фортку открывал, чтоб отдохнуть от дрыготы пудовых оперов».

Олендер прекрасно понимает, что настало время выбирать либо-либо. «Дальнье звезд и бремя тишины — ты хочешь променять на рост, на трудный рост страны?». Ему известен выход: «Уйти на промыслы, на верфь». Иначе «себя изучит книжный нерв за писчебумажным столом». Иными словами, Олендер уже ясно осознал необходимость перестройки.

Итак — данный индивидуалистический мирок разорван. В книге намечается два выхода. Один — по линии сатирической (Соседка», «Они наслаждаются жизнью») и нескольких стихотворений четко и остроумно высмеяны мещане-обыватели. Но эти стихи все же лишены подлинной обличительной силы, лишаются резкой социальной направленности сатиры, меткости типичных образов.

Второй выход — по линии реалистической («Вечер», «Эпизод в цехе») — только намечен. Стихи в книге полны многословного описательства и ясно показывают неумение глубоко разобраться в диалектике явлений, найти свой независимый подход к сложной теме. Например, рассказ о подвиге энтузиастов Тракторного лишен последовательного развития, подан оторванно от всей жизни завода, и главное, в нем нет показа живого ударника.

В «Письме усталой активистке» — те же упрощенность, схематизм, усталые клобовок «перлами» языка «активистки» вроде: «встречаешь мой армейский, я — на вершине славы, в тихом кооперативе». Наконец, в стихах «Вечер» — демонстрация чистого описательства, лишенного каких-либо идейных мотивов, насыщенного дотказа элементами литературщины.

Олендеру нельзя отказать в довольно хороших, поэтических возможностях. Нужно только, чтобы ими командовало активное коммунистическое мировоззрение.

А для этого — за решительную перестройку!

А. ГИНЕВСКИЙ

Любвеобильная повесть

Л. СЕРГЕЕВ. «Медный колчедан». — Современная пролетарская литература. ГИХЛ. «Кузница». 1931 г. Стр. 107. Ц. 80 к. Тир. 5.000.

Напрасно стал бы искать читатель в этой повести, которая претендует на показ борьбы за медный колчедан—живых людей, соцсоревнование и ударничество. Этого в повести нет.

Нашу молодежь, оказывается, волнуют больше всего проблемы взаимоотношения полов». Недаром герой повести Владимир так часто «наблюдает» себя в духе Санина.

«Профиль в полумраке выступал четко и остро. Волосы, толстым валиком свернутые около шеи с искусно подвитыми прядками за висками, были поразимому мягки и нежны. Владимир, поймав себя на этом любования, тотчас же выпрямился и по привычке осадил себя.

— Нос... кожа... волосы — точно мощель обнюбовываю.

Решил внимательно смотреть на сцену, но глаза отскакивали в сторону, ловили мелком прямой нос, маленькие губы». (стр. 8).

Эта пошлая слюнтяйская размазня должна свидетельствовать по замыслу автора о бытовых отношениях в комсомольском коллективе.

Образцы комсомольцев—раз навсегда

лишены подлинной обличительной силы, лишаются резкой социальной направленности сатиры, меткости типичных образов.

Второй выход — по линии реалистической («Вечер», «Эпизод в цехе») — только намечен. Стихи в книге полны многословного описательства и ясно показывают неумение глубоко разобраться в диалектике явлений, найти свой независимый подход к сложной теме. Например, рассказ о подвиге энтузиастов Тракторного лишен последовательного развития, подан оторванно от всей жизни завода, и главное, в нем нет показа живого ударника.

В «Письме усталой активистке» — те же упрощенность, схематизм, усталые клобовок «перлами» языка «активистки» вроде: «встречаешь мой армейский, я — на вершине славы, в тихом кооперативе». Наконец, в стихах «Вечер» — демонстрация чистого описательства, лишенного каких-либо идейных мотивов, насыщенного дотказа элементами литературщины.

Специалисты представлены штейгером Николаем Рудольфовичем, поэтом предателем, по вине которого гибнут восемнадцать рабочих.

Композиционно повесть сделана слабо, рыхло. Главы сшиты белыми нитками. Серый, однообразный язык дополняет общую картину.

ИГ. ЗУБКОВСКИЙ

ДИСКУССИЯ ПО ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

Вл. КИРИЛЛОВ

Другу-лирику Л. Сейфуллиной

Песенное золото!
Нажмый звон лиричаний!
Бьет тяжелым молотом
Век наш электрический.

Не слыхать от шума нас
Грохота могучего,
Где уж тут до Шумана,
Где уж тут до Тютчева!

Над печальной скрипкою
Кто теперь расплачется?
Может быть под пилою
Розовое пискунц.

Вся слепит картинками,
Всюду неприязычными:
Он поет машинами,
Голосами зычными.

Не грустить нам стоит ли
О цветах орнамента,
Если мы построили
(Лишь) массив фундамента?

Будет день — появятся
Вновь искусства тонкие,
Будут петь красавицы
Наши песни звонкие.

Будут песни шествовать,
Мир цвести чудесней,
Будет солнце шефствовать
Над живыми песнями.

В. КИРИЛЛОВ

Реплика В. Кириллову

В стихах рабочих-ударников рождается новая поэзия рабочего класса и его новая лирика. Прочтите к примеру сборник «Начало» (Лен. ГИХЛ). Стихи, собранные в нем, художественно слабы. Через несколько лет для самих авторов они станут пройденным этапом. Но уже сегодня в них дано новое качество. Тот, кто не видит в творчестве рабочих-ударников завтрашнего дня пролетарской литературы, тот не поймет ничего в путях развития пролетарского искусства. Тот, кто ставит надгробную плиту над лирической поэзией сегодня, тот отрезает себе путь в завтрашнему дню этой поэзии.

В. Кириллов, один из крупнейших пролетарских поэтов времен военного коммунизма, с начала нэпа пережил серьезный, идейный и творческий кризис. Он не понял нэпа, его стратегии, его пути, он отвернулся от него и осудил его. Но, сделав это, он ушел со столбовой дороги поэзии.

В посвящении Л. Сейфуллиной, которая в одном из своих выступлений поставила вопрос о лирической поэзии, В. Кириллов хочет объяснить, почему так труден путь лирической поэзии в наши дни. И он находит объяснение в том, что наш век — «электрический». Он «бьет тяжелым молотом», «он поет машинами, голосами зычными». В шуме и лязге века — «где уже тут до Шумана, где уж тут до Тютчева?» По Кириллову является из то, что этот шум уничтожит, поэзия снова вернется в свои [illegible] «Будут [illegible] искусства [illegible] будут расцветать звонкие песни, сочиненные поэтами».

Вл. Кириллов таким образом узаконивает молчание поэзии в наши дни — лирической по крайней мере. Его формула — это формула выжидания. Ему кажется, будто слабый голос поэта не может соперничать с гулом машин. Но это значит, что Кириллов противопоставляет лирическую поэзию и диалектику. Почему? На каком основании? Разве не глубже, не всестороннее, не содержательнее стала личная жизнь человека в наши дни? Разве специфика лирической поэзии в том, что она — институт времен безмятежного блаженства? Разве боец, строитель социализма, рабочий-ударник не имеет права на свою лирику?

И напрасно Кириллов утешает нас, современников, тем, что «будет день», когда «будет весна вещевать». Нет, мы сейчас создаем большое искусство большевизма, в которое лирика входит составной и неотъемлемой частью.

Мы не хотим выжидать, как предлагает Кириллов. Мы не хотим на старости услышать обновленного Тютчева. Та лирика, которую получит человек развернутого социалистического общества, рождается из нашего времени: больше ей неоткуда родиться.

С. ПАВЛОВ

Несостоявшаяся „эпоха“

1

Первая книга стихов молодого ленинградского поэта Юрия Инге, выпущенная под столь многозначительным и ответственным названием («Эпоха»), снова ставит на повестку дня вопрос о романтизме, как творческом методе художника, желающего назвать себя пролетарским.

Этот вопрос, как это ни странно, является весьма актуальным для того этапа, на котором находится сейчас формирование творческого метода пролетарской поэзии. Если на территории пролетарской прозы романтизм как творческий метод разоблачен в теории и разгромлен в художественной практике, то на фронте пролетарской поэзии романтические теория и практика имеют широкое хождение. Нередко приходится слышать, как кое-кто аргументирует плодотворность романтического творческого метода для пролетарской поэзии революционным пафосом нашей эпохи, энтузиазмом восходящего класса, двинувшегося в развернутое социалистическое наступление. Отсюда выводится необходимость художественного воспроизведения романтики побед пролетариата. В качестве единственного средства этого воспроизведения канонизируется романтический творческий метод.

Было бы нелепо говорить о том, что пролетарская поэзия не должна воспроизводить романтику побед пролетариата на всех фронтах социалистического наступления. «Страна должна знать своих героев» — достаточно вспомнить этот лозунг, чтобы понять нелепость и вредность подобных рассуждений. Но имеет ли эта романтика что-либо общее с романтизмом как крепостным отвлечением от реальных противоречий действительности? Может ли быть эта романтика воспроизведена романтическим творческим методом — этим орудием мистификации и лакировки? Я думаю, что эта романтика может быть воспроизведена лишь на основе метода диалектико-материалистического срывания всех и всяческих масок, являющегося методом объективного познания действительности и ее изменения в процессе этого познания. Единственная практика романтического метода, закрепленная в произведениях таких поэтов, как Бессарион Сашин, Александр Прокофьев, Анатолий Кудрейко, Юрий Инге *, свидетельствует о правильности этого положения.

Борьба с этим методом лакировки в действительности должна быть особенно интенсивна сейчас, когда РАПП находится на боевой проверке, выдвинутой задачами перестройки всей пролетарской литературной организации в соответствии с новыми требованиями страны, вступившей в период социализма. Борьба за показ лучших означает в то же время борьбу за качество этого показа, борьбу против мистификации и лакировки.

2

В статье, посвященной творчеству Инге и напечатанной год назад в журнале «Резец», я писал, что в творчестве Инге очень мало мотивов и настроений, дающих поэту право называться пролетарским.

Инге выпустил книжку, снабженную компромиссной маркой («Современная русская литература ЛАПП») и составленную из старых стихов, дополненных некоторыми новыми. Менять оценку творчества Инге, данную год назад, у меня нет никаких оснований. Нет никаких оснований говорить о том, что эстетико-романтические творческие позиции подвергнуты поэтом критическому пересмотру. Наоборот, они еще более укреплены и на их основе возникают уже не одни только творческие ошибки. В уже упомянутой статье я различал три основные линии в творчестве Инге. Первая, представленная в рецензируемом сборнике разделом «Эх, мятежная-погода», характеризуется интересом к историко-революционным темам, разрешенным, однако, под эстетико-романтическим углом зрения. Идейно-творческая устремленность этого цикла стихов, объединяемого по тематическому и мировоззренческому признакам, рассматриваемым в единстве («Рассказ о матросах», «Конспиративная квартира», «Война», «Бред букиниста» и др.) очень хорошо выражена в четверостишии из стихотворения «Поход».

Бурлящие песни Повольнья,
Напевный архангельский сказ.
Да разве я помнить должен,
С кем дрался в последний раз?

История революционного движения рассматривается Инге не с точки зрения ее уроков, действенных для сегодняшнего дня, а с точки зрения романтического анархистского любования ею. Это утверждение может быть доказано разбором любого стихотворения, начиная с «Рассказа о матросах», где автор в заключение сожалеет о боевом революционном прошлом («Было время, вспомните матросы, эх, матросы, ленты, да наганы»), и кончая «Бредом букиниста» — этой комической романтической дешевкой со всеми ее нелепыми атрибутами, включающими в свой список и мертвецов, которые «по ранжиру встают со пушками и «Марсельезой» и призера которых «летят на воздух». Революционная пролетарская устремленность той борьбы, которую описывает поэтическая анализировать Инге, совершенно исключает из поля его зрения, нарисованная и отодвинутая на задний план романтической творческой установкой.

3.

Вторую линию в творческом развитии Инге я характеризовал как прямое подражание поэта чужой пролетарату идеологии. Этот второй раздел книги Инге, полусиноходительно, полуиронически (горькая ирония!) названный автором «Предположим — романтика» («Голодная степь», «Огонь», «Ночная лирика», «Низовой заговор») характеризуется экзотическим штампом, ярко выраженным в стихотворении «Ночная лирика».

То ли тишина, то шум ли
Рани распорол до берегов
Жуткое жужжанье джунгей
В шарящем шорохе шагов...
...Чтобы через грань гранитных
лестниц,
Мог я, как случайное «прости»,
Крылья зачарованные песни
Почтой голубиной принести.
Вот уж замаячило так близко
Площади торцовое лицо
Камнями столетних обелисков,
Ледяным безлюдьем дворцов.

Эти стихи, беспредметно-лирические, но конца эстетские, но лишенные на первый взгляд законченной идейной установки, обнаруживаются на глазах у читателя в стихи с совершенно отчетливой и полностью чуждой пролетарскому поэту идейной устремленностью. Такими стихами являются «Голодная степь» и «Огонь». Что объединяет эти стихи, почему именно их считаю я наиболее опасными симптомами творческого перерождения автора «Эпохи»? Эти стихи логически вытекают из всей творческой установки Инге; они родились на стыке двух определяющих линий его поэзии: романтического эстетствующего «Рассказа о матросах» и «Бреда букиниста», с одной стороны, и эстетской «Ночной лирики» — с другой стороны. «Голодная степь» и «Огонь» объединены единой реакционной установкой, весьма последовательно, хотя быть может и бессознательно проведенной в обоих стихотворениях. Эта установка — примат стихии над сознательной деятельностью человека, господство инстинкта над разумом, слепого опущения над волей и расчетом.

Такова философия «Огня»: изложив историю борьбы человека с огнем и установив, что «в нашу жизнь вошел огонь на благо и службу человеку», поэт заключает:

Но в смутном поклоненьи дню,
Не проигравший в этом споре,
Себя вновь отдал человек огню,
Воздвигнув храмы крематорий.

Объективно-пацифистский характер этого вывода слишком очевидек для того, чтобы его следовало комментировать: замкнутый круг фатального господства стихии над бессильным перед ней человеком с предельной ясностью констатирован поэтом. Еще более обнаженно эта идея бессилия человека перед лицом всесильствующей стихии выступает в стихотворении «Голодная степь». Дикая безводная степь, по которой мечется обезумевший от жажды человек, воспроизведена поэтом с большой силой. Но, поистине, чем лучше, тем хуже, ибо стихотворение это насквозь проникнуто утверждением господства стихийного физиологического напора над человеческим разумом.

Не страшны обрезы и гик басмачей,
Несомел запыленным гуртом,
Так нет она, цель сумасшедших
ночей,
Конец путешествия — юрта!
Колодец. За это прохладное дно
Мы все отдадим, что угодно,
Но слово надолго запомним одно,
Узнав навсегда — «безысходность».

Стихия и здесь торжествует над человеком, фатальная обреченность которого подчеркивается со всей настойчивостью, имеющейся в распоряжении поэта.

4

Такова идейно-творческая устремленность первой книги стихов Юрия Инге. Охарактеризованными творческими свойствами определяется основная качественная тенденция поэтического развития Инге, несомненно ведущая в плен к идеалистическому творческому методу, т.е. выражающая опасность правого перерождения некоторых звеньев нашего поэтического молодняка.

Противодействовать дальнейшему скату на враждебные пролетарской поэзии позиции может лишь последовательный и решительный пересмотр установок первой книги, не имеющей, как теперь выясняется, никакого права на присвоенное ей высокое наименование. Достаточно реальных признаков этого пересмотра мы еще не имеем, однако о возможности его свидетельствует третий и последний раздел «Эпохи», пренебрежительно озаглавленный «Текущие дела» и действительно-ни в какой мере не определяющий лицо сборника.

В этом разделе, помимо традиционной, а потому и никого не разящей борьбы с обоями, абажурами и прямусами, содержится и известная доля самокритики, заключенная в несколько патетическом, но в целом, вполне трезвом стихотворении «Девушка права»:

Значит старые песни не в счет,
Значит жизнь начинается снова,
И в стране я не создал еще
Ни поэмы, ни песни, ни слова.

Эта третья линия в творческом развитии Инге, судя по последним статьям («Резец»), может стать знаменем подлинной мировоззренческой перестройки. От успеха этой перестройки будет зависеть дальнейшая творческая судьба автора «Эпохи».

Пока же «Эпоху» нельзя считать состоявшейся. Ни настоящей песни, ни поэмы Юрием Инге еще не создано. Что же касается старых песен, то их нельзя просто сбросить со счетов: их нужно перешагнуть.

ЛЕВ ЛЕВИН

* «Молодая гвардия». 1931 г. № 3.

На учебе у пятилетки

„Инженеры“ Н. Сидоренко

Н. Сидоренко учится видеть мир в становлении, в сдвигах, меняющих пейзажи провинциального захолустья, где горизонт разлучает с рекой романтические мечтания и поэзию провинциального «лидо», мятнущего на «неухратый рейс» на тихой местковой плотине.

Первая книга «Разрушенная тишина» еще была пропитана созерцательностью, пасонным любованием природой.

Нельзя не любить и полесья свои,
Где в море черемух
Победно и просто
Июльскою ночью
Трелят соловьи...

Н. Сидоренко склонен здесь еще к «философским» раздумьям по поводу жестокости охоты, по поводу того, что сестра его «будет матерью, подругой и женой»; в ребенке раскрывается ему тема Мира. Но тут же намечается преодоление этой поэзии настроений, этой лирической замкнутости в традиционных образах природы и индивидуальных переживаний. Стихи «Солнцестрой» несомненно окрашены большой лирической теплотой. Но когда «молодость солнечным ветром в коридорах восьмых этажей», то тогда не только меняет эмоциональную окраску образа, забывая о всех этих «туманных юностях», «очарованиях дождя» — меняется социальная установка лирики. Творчество Н. Сидоренко начинает впитывать в себя классовую целеустремленность, в начале через несколько отвлеченные схематические декларативные стихи, а затем уже в конкретных образах своеобразной поэмы «Инженеры» *.

«Инженеры» свидетельствуют, что, поворачиваясь лицом к актуальной тематике, Н. Сидоренко вместе с тем успешно преодолевает созерцательство, изобилие украшательство и усваивает тот угол зрения, который мы отметили в самом начале: опущение динамики движения. Умение видеть события не статично, не в замкнутых дисках, а в движении, улавливать переходы с одной ступени на другую, улавливать качественные перемены — одно из важнейших условий диалектического материализма в применении к художественному творчеству.

В «Инженерах» дан организующий поле борьбы на заводе (главы «Плач гитендиска Кузьмы», «Митинг в цехе»). Хорошо обрисован образ нового инженера, в котором воплощена большевистская воля к победе.

Сквозь перелет
Папиросного дыма
Я наблюдаю
Петровы брови.
Напрямо замкнута в них решимость,
Которой не жалко
Ни кости, ни крови...

В «Инженерах» много напористой бодрости: «а если в республике есть безработица, она начинается с нас».

Но Н. Сидоренко отдаден (но и то еще неуверенно) только отдельными элементами творческого метода.

Мало улавливать движение, динамику явлений. Надо уметь при этом видеть взаимопроникновение, взаимосвязь этих явлений, отражаемых своим творческим зрением не отдельные стороны, не отдельные грани рассматриваемой действительности, а все единство, всю сумму граней, образующих диалектическое художественное целое. Этому Н. Сидоренко еще не научился.

Поэма «Инженеры» дает экспозиторов из молодого поколения специалистов, поколения, кровно связанного с революцией и ведущим ее классом.

Но исключительная важность показа растущих пролетарских кадров не устраняет тем прямой истины, что лучшая часть старых специалистов имеет огромнейшую роль для нашей стройки. Правильно понимая на сих думы буржуазных интеллигентов о том, что они «соль земли», Сидоренко с одного маху зачеркнул полезную роль старых кадров вообще. «Интеллигенция, прощай», — провозглашает поэт и гордо уверяет: «их выкормили книги мудрецов, нас молодых, — борьба и канонада».

И, правда, в поэме очень много говорится о том, что «Все сутки работать, все сутки не спать, забыть, что бывают обед и кровать», о том, что «пусть сожжены руки и спины, за нас голосуют красные дни». Очень много сказано о физическом подъеме, наверное, и почти нет строк об овладении «книгами мудрецов», об овладении техникой.

Это же неумение схватывать явления целиком ведет к тому, что хотя поэма и названа «Инженеры», — в ней в плоти и крови показан лишь один инженер. Коллектива нет. Нет в самой поэме и показа по-настоящему заводского коллектива в целом. Отдельные штрихи, отдельные блики.

Надо при этом отметить, что поэма во многом все еще носит отпечаток декларативности, агитационного провозглашения тех или иных истин, а не их художественного раскрытия. Вся «биография» молодого поколения дана именно так.

«Мы знаем, как чинят в бою паровозы..., как давятся кровью, как в дождь сохраняется порох». Эти заявления не вызывают у читателя ни одной яркой зрительной ассоциации, не содержат в себе ни одного индивидуализированного образа.

Н. Сидоренко еще не выходит из полосы ученичества. В «Разрушенной тишине» было много от условных красивостей. Земля, плавающая «в пенящемся бокале голубого хрустальном «кружева леса», «серебряная пыльца — лучи» — все это взято без особой разборчивости.

«Инженеры» в значительной мере изобилены от этих недочетов. Но «серые на клеках», «крыло напористого лица» и т. д. напоминают об этой непреодоленной до конца тенденции эстетизировать явления, тенденции к украшательству.

Не всегда удачны образы. Что например значит «Спичку медвежью в лапу медвежью закинуть на дальнее побережье»? Совершенно ясно, что «побережье» тут нужно лишь для рифмы. Но иные эпитеты («строгивая злина», «зажженный покой») радуют своей находчивостью.

«Инженеры» дают право надеяться на успешный творческий рост Н. Сидоренко. Необходимо лишь, чтобы он продолжил и углубил свою работу над овладением нашим творческим методом.

Н. ОРУЖЕННИКОВ

* Печатается в порядке дискуссии.

Перед всесоюзным совещанием еврейских пролетарских писателей

Об оппортунистических установках тов. Литвакова *

В ряде номеров минского журнала «Штерн» за последнее время были помещены статьи, большой фактический материал которых показывает, что литературно-политическая и методологическая линия тов. Литвакова в вопросах литературы и искусства имеет многочисленные националистические и антимарксистские установки. Об этом неоднократно говорили на совещаниях и конференциях.

Совсем недавно, на минеборусской конференции еврейских культработников была широко развернута критика литературной деятельности тов. Литвакова. Литваков всячески пытался замазать свои ошибки и только под напором делегатов конференции и ее парторга руководства он был вынужден пойти на признание «некоторых» из них. Тов. Литваков тогда же торжественно обещал, что он широко и развернуто даст критику своих ошибок. Но время показало, что он не проявил способности и желания использовать предоставленные ему возможности для самокритики, чтобы перевооружить себя для правильной и большевистской работы. Вместо самокритики тов. Литваков занимается сейчас «примечаниями» к статьям других товарищей и серией своих статей «об одной карикатуре ариэли». В этих статьях он совершенно замазывает свои ошибки, сочетая эту тактику с атакой против тех товарищей, которые принуждают его найти из не прекрасного для него пути самокритики.

Литваков — дореволюционный еврейский критик меньшевистско-националистического толка — хвалил в пожелтевшую еврейскую литературную критику со значительным грузом национал-меньшевизма и эстетизма. Яркое воплощение этой концепции представляет литературно-критический сборник Литвакова «Ин умрэ» (том 1), выпущенный в 1918 г. в бытность его меньшевиком. Казалось бы, что вступив в большевистский период своей литературно-критической деятельности, Литваков прежде всего подвергает жесткой критике свою меньшевистско-националистическую книгу, до сих пор не изымую из обращения. Однако Литваков счел возможным, не подвергая книгу критике, выпустить в 1926 г. книгу литературно-критических статей под старым названием «Ин умрэ» и зачислил ее вторым томом, подчеркнув этим продолжение старой литературной деятельности. В эту книгу Литваков включил ряд статей своего меньшевистского периода, отозвавшись в предисловии, что «ему пришлось изменить некоторым образом фразеологию, более уточнить социальную целеустремленность, но не по существу». То же самое Литваков повторил в своей книге «На два фронта», выпущенной в 1931 г. По поводу тех же статей меньшевистского периода Литваков пишет, что «они могут при некоторых изменениях фигурировать в коммунистическом сборнике».

А ведь в этих статьях Литваков развивает многочисленные положения интуитивистского, индивидуалистического и формалистического порядка. Для иллюстрации приводим лишь несколько цитат из второго тома «Ин умрэ». Цитаты эти можно было бы умножить. Вот они:

«Бергельсон инстинктивно соединяла чисто художественных символов — он охватывает таинственный круг душевных движений, он видит «иррациональное» продолжение душевных основ. Его фигуры уже не находятся в его распоряжении, — они ведут самостоятельное существование и становятся иными достоинством, прежде чем художник определил свое отношение к ним» (стр. 63).

Яркие интуитивистские и первобытные положения! Дальше:

«У Переца еврейские художественные манеры перевоплощаются... ... В еврейском языке живет дух угнетенной толпы».

Теория самобытности «еврейских художественных манер», положение о революционной сущности еврейского языка «в себе», смазывание классовой борьбы в вопросах преодоления культурного наследства и пр. — все это являет собой яркое воплощение национпортунизма.

Теория самобытности «еврейских художественных манер», положение о революционной сущности еврейского языка «в себе», смазывание классовой борьбы в вопросах преодоления культурного наследства и пр. — все это являет собой яркое воплощение национпортунизма. В духе этих положений даны многочисленные установки в книге «о Гасете».

Эти теоретические положения, к которым прибавляется еще ряд формалистических уклонов, находили свое применение в практике т. Литвакова.

Буржуазно-демократическое литературное течение периода первых лет нэпа — «Штерн» было следующим образом оценено Литваковым, который неоднократно ссылается на свою революционную практику:

«Штерн» возник как временное убежище всех течений молодой литературы, как своего рода знак-пункт, до тех пор, пока каждый из них (из еврейских писателей — Ред.) завершит свой идеологический круг. И именно в этом состоит положительный смысл «Штерна» и его великое литературно-историческое значение» (стр. 99).

В этой же статье первая ячейка организованной еврейской пролетарской литературы — строительная секция МАПП, — вступившая в жестокую борьбу против национдемократических и эстетских элементов еврейской литературы, получает следующую оценку:

«Объединяя, по-видимому основные участники этой группы кроются не из рядов пролетариата и не являются коммунистами, — это есть явления, которая, поскольку она современем должна рассеяться, вызывает новую дифференциацию» (стр. 204).

Так Литваков определил свое отношение к основным, враждующим между собой, течениям в еврейской литературе, определение «стоялось на сторону противников пролетарской литературы.

Боевое в изложении Литвакова к пролетарской литературе получило свое наиболее яркое выражение в оценке предшественников еврейской пролетарской литературы (см. литературу Литвакова характеризует как «деликатную», а не органическую и в оценке близко к крайним последствиям пролетарской литературы — «Беспечный поток» Серафимовича, о котором Литваков говорит, что оно является

«подобным средством в революционной агитации и пропаганде, в котором мы очень нуждаемся, но не такие произведения составят художественное наследие в нашей революции для будущих поколений» (стр. 183).

Свое отношение к реакционному символизму и к национал-романтике Литваков выразил, оценивая символиста Пистера как художника, который «никогда не перестает ориентироваться на народные массы» (стр. 163). Он же рассуждал по этому поводу, что «лучший писатель нашей революционной эпохи не имеет в еврейской литературе нового источника для нового стиля кроме Пистера» (стр. 166).

Уже в последней своей книге «На два фронта» Литваков отрицает литературную политику от литературного творчества, развивая положение, что первые боевые годы еврейской пролетарской литературы являются годами «субъективных деклараций принципов писателей» и это «представляет изъяние литературной политики, но не литературного творчества» (стр. 7).

Оппортунизм в литературной теории и практике Литвакова выступает ярко в его своеобразной теории «исторической перспективы». Это своеобразное извращение марксистско-ленинского метода служит ему для оправдания всяческих зверинских ошибок. Литваков, дескать, не ошибается, и если его накрывают с поличным, он находит себе оправдание в «исторической перспективе».

Большевистская самокритика должна стать методом всей нашей работы. Мы считаем, что в еврейской пролетарской литературе должна быть по-большевистски соблюдена установка на коалицию коммунистических сил, чтобы, преодолевая культ личности и литературный беспринципизм, выковать коллектив, который беспощадно дерется за политическую литературно-политическую и творческую платформу, на основе генеральной линии партии.

Еврейская пролетарская литература и марксистско-ленинская критика крепнут со дня на день. Еврейская пролетарская литература должна продолжать беспощадную борьбу с оппортунистическими и эклектическими теориями И. М. Пугачова, Ш. Эпштейна и др. — одновременно она должна бороться против всякой «левой фразы», против всяких «новых» наветов, подвергая самокритике ошибки в собственных наносовских рядах.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ШТЕРН», ЦЕХОВАЯ ЯЧЕЙКА КП(б)Б. РЕДАКЦИИ «ОКТЯБРЬ». ЕВРЕЙСКАЯ СЕКЦИЯ БЕЛАПП.

* Печатается в порядке дискуссии.

С. ДИНАМОВ

„Фома Клешнев“ Мих. Слонимского

1.

Место интеллигенции в революции — вот генеральная тема всей популярной литературы. Мелкобуржуазная интеллигенция, переделываемая (а иногда и теснимая) революционной действительностью, пытается ответить на основные вопросы, которые ставит перед ней практика ее класса. Но эта практика — лишь частный случай более широкого и общего всей практики революции. Проблемы мелкобуржуазной интеллигенции не могут быть правильно решены, если их взять изолированно, в разрыве с классовой борьбой в стране: классовые группы не расположены независимыми вертикалями. Отсюда — срыв ряда попыток художника, не видевших этих связей, индивидуализировавших общественные процессы, не понимавших тех общественных сил, которые передвигают интеллигенцию, освобождая ее от мелкобуржуазного и буржуазного плена, превращая ее в союзника пролетариата («Записка» Олеши, например).

Закономерно угасание этой темы за последние годы: писатели-попутчики начинают все чаще и чаще обращаться к подлинно генеральной теме всей нашей литературы — к социалистической стройке, стараясь, однако, чаще всего эту большую тему вплавить тему об интеллигенции. Этот процесс спайки двух тем означает по существу освобождение от первой темы — об интеллигенции; она становится соподчиненной, обретает свой настоящий смысл, конкретизируется, теряет свою изолированность, вращается в более широкое и актуальное; сами художники вырастают на этой новой почве; их искусство сращивается с эпохой реконструкции, само превращается в оружие реконструкции. «Гидроцентраль» Марietты Шагинян — яркое свидетельство этих огромных сдвигов в творчестве писателей-попутчиков, ставших верными союзниками рабочего класса, осуществляющего развернутое социалистическое наступление.

Мих. Слонимский несколько задерживается на позициях этой «тускнеющей» темы о месте интеллигенции в революции, одновременно опережая эту тему и прорываясь через ее пределы, оставшиеся нерасторгнутыми у Олеши, Лидина и др. Этот бросок за ленточку тематического «финиша» Мих. Слонимский совершает тем, что берет мелкобуржуазную интеллигенцию не как единственное, но как одно из явлений революционного периода. Слонимский, отставая, догоняет, ибо разрывает присущую теме об интеллигенции замкнутость.

2.

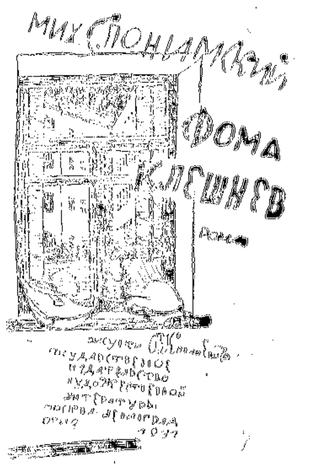
Психологизация и индивидуализация общественных явлений — одна из форм буржуазного влияния на нашу литературу. Индивидуальное сознание, конечно, никогда не есть только индивидуальное сознание, оно есть и индивидуальное только потому, что оно есть общественное, вне последнего оно не существует, гибнет, разрушается, не возникает. Никакой буржуазный художник не может воспроизвести исчерпывающе индивидуальное мышление, но он может довести общественное до последнего предела уточнения и искажения, бесконечно «уточняя» личное. «Я» проходит бесконечные каналы развития, подвергается бесчисленным давлениям, оно проходит множество превращений, теряет всякое подобие общего — и в этой сложности пропадает классовая основа характера, действительность предстает искаженной, ее нужно искать и обнаруживать. Творчество Пруста, Джойса строится именно по таким законам. Действительное развитие человека выпадает, действительное движение жизни не вскрывается, хотя форма мышления внешне кажется стремительной и взволнованной. «Ультилевск» Л. Леонова есть явление подобной психологизации мира: люди в «Ультилевске» — смятенные и полные тревоги, но сам Ультилевск — извечен, неподвижен, неколебим, огромные события обтекают его, не затрагивая. «Список благодеяний» и «Записть» Олеши тоже есть неколебимый и застывший мир, скованный именно этой мятущейся формой психологизма.

Мих. Слонимский решительно стремится освободиться от этого психологизма. Люди Мих. Слонимского — это сгусток общественных отношений; художник именно это отмечает в них прежде всего, на это он бросает наиболее яркие краски. Действительность раскрывается через героев Слонимского, он не хочет ее прятать за характерами, но хочет ее понять через создаваемых его людей. Отсюда — резкость типов «Фомы Клешнева»: нет лишних фигур, нет ненужных героев, в каждом образе выявлена его общественная природа. Какая-то эстетическая точность отличает роман Мих. Слонимского: мысль плотно пронизает все его поры, не выжирая углами, не выступая нарочито. Эта «плотность» романа — редкое в наше время явление, когда количественная сторона произведения сделает его качество, когда здесь произведения растягивается во все стороны, не будучи туго стянуто единой тканью замысла. Нет, Успенский в одном из своих писем из Парижа бросил фразу, что из его темы для одного романа Дюма сделал бы двадцать книг. Эта гордость Ник. Успенского — хорошая гордость стремления к сжатости, к силе выражения, к идейной насыщенности. Некоторым нашим писателям не мешает вспомнить оценку «Нью-комов» Теккерея Чернышевским: великий критик обвинил этот роман в 1041 стр. не — романом, ибо в нем «нет содержания». Только М. Горький в «Климе Самгине» дал в наше время гениальное соединение качества и количества — и огромность «Клима Самгина» нам кажется действительно огромной, ибо она закономерна, необходима, сжата с большим содержанием, создана им.

Мих. Слонимский сдержан в точности: прямо не писатель, а токарь по литературе! Эта сдержанность — от целеустремленности: Слонимский знает, что хочет, материал его не захлестывает, но покорно укладывается в рамки произведения.

3.

К пролетариату! — Вот что движет роман т. Слонимского. Классовое расслоение интеллигенции совершается в романе именно на почве отношения к диктатуре пролетариата. Художник смел и последователен. Он не бесстрастный созерцатель явлений действительности, не летописец, он вмешивается в жизнь, строит ее. Роман «Фома Клешнев» — произведение художника, который полностью принимает диктатуру пролетариата, который является верным союзником рабочего класса и с этих определенных позиций оценивает интеллигенцию. Она представлена рядом образов.



Титульный лист романа Мих. Слонимского

Проф. Будный — представитель буржуазной науки, сладенький революции, осуждающий ее и ею осужденный. Он тих и благодушен, он напрямик по своему обличию, но автор разрывает благодушие Будного, он ставит резкий вопрос: с кем Будные, за кого? И отвечает: с врагами! Мих. Слонимский вместе с тем показывает, что проф. Будный представитель враждебного класса, вынужден переоценивать ценности, гниение его класса и сила пролетариата разлагают его, некогда столь заносчивую, мудрость. Будный начинает сомневаться в себе самом, ибо он смял революцией: «Может быть, этот величественный шкаф хранит всего только громоду скучных заблуждений, бездарных ошибок, торжественного непонимания и высокомерной глупости. Эти многочисленные книги, переведенные чуть ли не на все европейские языки, может быть обозначают только хорошее развитие типографского дела на земле — не больше того». Мих. Слонимский несколько не упрощает образа проф. Будного, это — сложный образ врага в добродушной личине мыслителя.

Его сын — мелок, как плотва. Но Мих. Слонимский, правда между прочим, несколькими штрихами, показывает, что эта буржуазная «плотва» дает кадры для интересантов и белогвардейцев.

Юрий Лавров — представитель бесхребетной интеллигенции, качающейся между буржуазией и пролетариатом и соседствующей там, где больше платят. Писатель беспощаден к этому представителю беспозвоночных. Для Юрия Лаврова жить советской действительностью — это значит «становиться лунтиком». Рядом деталей Слонимский разоблачает этого интеллигентного мотыльна. Так на одном вечере, когда хвалят его диссертацию, он обнаруживает, что «этот строй может оказаться подходящим и даже выгодным для него». Но: «На утро он проснулся с несколько другими ощущениями и к вечеру, до раздумывая, зачем он это делает, забежал к Будному. Профессор ласково принял его, и Юрий вернулся домой, успокоенный, удовлетворенный и готовый вновь слушать и поддерживать революционные рассуждения Григория».

Борис Лавров — резкая противоположность своему брату. Но и он не схема, которую столь любят некоторые опростители, рисующие интеллигентов-союзников розовыми красками. «Фоме все же легче, — говорит он. — Для него все эти люди всегда были чужими, а для меня — нет, все-таки я кровно связан с ними, я надо рвать, рвать до бесконечности и давить, не сомневаясь. Сейчас это особенно трудно. Это дает таким, как я, приблочную усталость». Вот эта «приблочная усталость» мелкобуржуазной интеллигенции, принесенной к пролетариату, и раскрывается в романе через образ Бориса Лаврова. Он хочет жить «просто и откровенно», без дум «о вредном». «Надо жить просто. Какой ты есть, такой и есть. Что считаешь правильным, то и делай. А если при этом выходит, что ты — жестокий человек, то не беспокойся, что тебя таким считают. Жизнь с этим, не теряй только веры». Эти рассуждения полностью выражают основное в Борисе Лаврове: он пришел к диктатуре пролетариата, принял ее, но не ощущает еще себя частью этой диктатуры, ее оружием и орудием. Отсюда — эта «вторая простота», попытка спрятаться за рабочий класс, уйти от сомнений через бездумье. Роман разоблачает эти теории. Борис Лавров мысленно вынужден думать и действовать, он вынужден, как и Григорий Жилкин, стать определенным в общественном смысле. Роман показывает тем, что Борис Лавров обезоруживает сына проф. Будного, пришедшего застрелить Фому Клешнева. Выбор сделан: «Движением, которым он сунулся отвести профессорского сына, он разрешил для себя всю сложность и недосказанность теоретических его отношений с Клешневым — у них общее дело, общая цель, и это — главное».

Фома Клешнев — коммунист, не уступающий по развитию интеллигенции, с которой ему приходится работать, знающий ее, умеющий ее переоценивать и, если нужно, разбить.

«Все, что полезно для дела, хорошо, все, что вредно, плохо — такому принципу подчинял Клешнев все свои действия и потому готов был погубить жизнь другу или, напротив того, поддерживать деликатнейшие отношения с врагом, если этого требовали интересы дела. А дело было какое, ради которого он не усомнился бы бросить себя на смерть вместе со всеми своими мыслями и желаниями. Это дело наполняло его жизнь, вытесняя все остальные заботы. Он слишком не автомат, не машина для работы, но человек своего класса, умеющий и к личному подойти так, как это нужно делать большевику (разрыв с Лизой, отношения с Борисом, к которому ушла Лиза, самокритика за отношение к бывшему большевику Жиляину, который мог не пустить к нам обратно из-за его холодности, отношения к старому революционеру Сергею Митрофановичу). Мих. Слонимский стремится преодолеть схематичность изображения большевика и в какой-то мере это ему удается. До конца ли? Нет.

Я уже говорил, что Слонимский отстает, хотя и обгоняет отстающих. Психологизм как форма непреодоленной до конца мелкобуржуазности еще силен в творчестве и этого писателя, одного из наиболее близких к нам. Классовое в романе выявляется (недостаточно, конечно), через размышление, разговор, но не как практика, не как работа, не как действие. Обилие разговоров, встреч, митингов, вечеров и бесед вытекает именно из того, что Слонимский совершенно недостаточно обращается к классовой практике. Труд и работа Фомы Клешнева, Бориса Лаврова, Юрия Лаврова и всех остальных героев романа — в тени, мы не видим их деятельности, дается лишь ее отражение. Эта «отраженность» романа — его основной и крупнейший недостаток, свидетельствующий о том, что художник еще не схватывает событий в их диалектике, что он отрывает еще личность от целого, хотя и стремится дать ее как общественное явление. Фома Клешнев, как и другие герои романа, так и остался лишь набросом, ибо он насильственно отторгнут от класса, от практики революции, его движение — есть имманентное самодвижение.

«Фома Клешнев» — второй роман из задуманного Слонимским цикла. Писатель имеет все данные, для того чтобы преодолеть недостатки своего художественного метода, чтобы в своем творчестве встать на позиции, еще более близкие к пролетариату.

без помещений, без программ, без пособий
Так мы воспитываем литературные кадры

от редакции

Учебные заведения Советского союза готовятся к новому учебному году. Этой готовке естественно уделяется максимум внимания и со стороны органов просвещения, и со стороны печати, и со стороны тех хозяйственных и культурных учреждений страны, которые на этапе завершения постройки фундамента социалистической экономики испытывают острую нужду в новых кадрах.

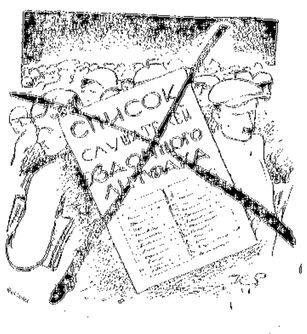
Недостаток рабочих рук болезненно ощущается не только на промышленных стройках. Нехватка человеческого материала дает себя чувствовать и на культурном фронте и, в частности, на его литературном участке. В самом деле разве мы в повседневной работе не сталкиваемся ежечасно с недостатком литературных работников, квалифицированных редакторов и издателей?

Казалось бы вновь созданному Редакционно-издательскому институту должно быть обеспечено общее внимание, — и со стороны Наркомпроса, и со стороны литературных организаций, и со стороны наших издательств.

Между тем обследование РИИН'а, проведенное бригадой «Литгазеты», показало, что в подготовке литературных кадров сильны неразбериха, кустарщина и безответственность.

Если издательства в лице ОГИЗ проявляют какую-то заботу о новом литвузе, то писательская общественность и в частности РАПП до сих пор ничего не сделала, чтобы помочь развертыванию его работы. Мы уже не говорим о Наркомпросе, который с явной небрежностью относится к выращиванию литературных кадров.

Печатая сегодня материалы первого рейда бригады «Литгазеты», обследовавшей положение дел в РИИН'е, мы требуем резкого перелома в отношении к нему со стороны Наркомпроса и литорганизаций, РАПП — в первую очередь.



«заочное решение»

первый рейд бригады „Литгазеты"

Литературный факультет I МГУ передан в ОГИЗ. На базе Литфака создан РИИН — Редакционно - издательский институт ОГИЗ.

Сейчас пока в новом институте преподает прием новых студентов. Переведенные в РИИН студенты бывшего Литфака проходят производственную практику.

В апреле этого года Л. Г. уже начала с исходной посылкою производственной практики студентов Литфака.

и в тесноте, и в обиде...

Сейчас, хотя дело и улучшилось, в нем все же есть большие недостатки. Студенты, посылаемые на практику, в издательства, в которых студентам предлагается проходить, не имеют твердых указаний о порядке, методах, установках производственной практики студентов.

Это происходит потому, что МГУ, выделив Литфак, не выделил финансовую часть. (Суммы, ассигнованные ОГИЗ, предназначаются для преподавательского состава). Поэтому РИИН не имеет специального руководителя практикой. Во время практики студенты не знают, к чему именно надо им заниматься в месте практики обычно не отчитываются в проделанной работе.

Не изучает дозрия и та обстановка, в которой РИИН готовится к новому учебному году.

Библиотека института до сих пор не имеет самых необходимых книг. В жалком состоянии пребывают и учебные кабинеты. На авторском и критическом отделениях кабинетов вообще на существует. Кабинет редактуры имеет только 6 таблиц (даже не образцы) трех шрифтов и... больше ничего.

Учебно-производственный план к предстоящему году разработан и утвержден только на отделении редактуры. Учебные программы и планы авторского отделения находятся в зачаточном состоянии.

Еще хуже обстоит дело с заочным литературным обучением.

ОГИЗ, принимая Литфак от I МГУ, должен был принять от него и заочное обучение. До последнего времени этого сделано не было, несмотря на то, что состав массового образования I МГУ, в ведении которого находится заочное литературное образование, не раз обращался в РИИН с просьбой о скорейшем принятии от него студентов-заочников. Лишь на днях этот вопрос получил положительное разрешение и все дела заочного литфака передаются в РИИН.

Заочное литературное образование создано своей организацией прочно довольно терпеливый путь и сейчас находится в тупике.

Сначала заочные литературные курсы были организованы при ГАХН. Вскоре выяснилось, что учебная программа курсов идеологически неприемлема. Курсы были переданы в ЛИИ Коммакадемии. Произведена была перерегистрация заочников, выработана новая программа, разосланы новые задания. Эти «заочные курсы по литературоведению» просуществовали с осени 1930 года по январь 1931 г., когда они были переданы в I МГУ. Опять была выработана новая программа, опять перерегистрация, опять учет и т. д.

За время существования курсов при ЛИИ заочники получили 3—10 лекций по литературоведению, 3—10 фольклору, несколько лекций по истории, 5—10 диаграмм и учебную программу по политекономии. МГУ за полугодовой период своего руководства заочниками удосужился выслать только две лекции по диаграмме.

А в июне заочное отделение литфака I МГУ разослало слушателям открытки. В них 775 слушателям сообщалось, что высылка лекций прекращается совершенно в связи с переходом всего литературного обучения в ОГИЗ. Время возобновления занятий указано не было...

***

Нужда в литературных кадрах очень велика. Это хорошо известно и Наркомпросу, и ОГИЗ, и РАПП. Однако только ОГИЗ оказывает очень солидную редакционно-издательскому институту реальную помощь. ОГИЗ обеспечил его финансовой базой, выделив 500 тысяч рублей, и дал новому институту основных руководящих работников из своего аппарата. РАПП только «обещает» свою помощь, а Наркомпрос до сих пор не дал еще официального распоряжения о переходе Литфака из МГУ в ОГИЗ, чем самым сильно тормозя развертывание работы в новом институте.

В мае литературный факультет II МГУ был передан в ОГИЗ. Кроме всяких отделений: редактуры, авторского, критики и рабфака при институте создан «надвуз», рассчитанный на двухгодичное обучение. В «надвуз» будут приняты члены партии — врачи, инженеры, агрономы с производственным стажем. Основная установка «надвуза» — подготовить кадры ответственных редакционных работников по специальным отраслям знания.

Закончившийся прием обеспечит РИИН значительной партийно-комсомольской прослойкой. В числе принятых 120 человек — 95 проц. партийцев и комсомольцев, рабочих-ударников и колхозников. Большинство их имеет длительную производственную творческую продукцию.

С момента выделения из университета и до настоящего времени редакционно-издательский институт живет «в тесноте» и «в обиде».

В тесноте — от того, что учебное помещение в 25 аудиторий принадлежит «по совместительству» и ГРИИ и театрузу. В обиде — потому, что основные дисциплины театруза — ритмика, акробатика, постановка голоса проходятся при деятельном участии музыкального академиздата, и студенты РИИН очень часто вынуждены слушать лекции и работать в семинарах под звуки ритмических маршей и хорового пения.

Учебный год в РИИН'е начинается с 1 октября, но вопрос об учебном здании до сих пор висит в воздухе. Катастрофически обстоит дело и с общежитием. В этом году в институте вместе с рабфаком, «надвузом» и студентами нового приема будет 800 учащихся. Имеющееся у РИИН'а общежитие занято посторонними лицами и выселить их, несмотря на ряд судебных процессов, до сих пор не удалось.

РИИН обратился в Наркомпрос с ходатайством о предоставлении ему одного из новостроящихся общежитий в селе Алексеевском. При наличии же помещения РИИН сможет предоставить общежитие только 20 проц. своих студентов. Где будет житься основной массе студентов нового института — неизвестно.

Наркомпрос должен в самом срочном порядке обеспечить институт и общежитием и учебным зданием, подыскав для театруза другое помещение: театруз насчитывает всего около 160 учащихся и найти для него новое помещение легче, чем для РИИН.

Бригада «Литературной газеты»:
ЦЕЛИКОВ (МАПП, рабочий-ударник завода № 22).
СУНДЕЕВ (РИИН, секретарь ячейки ВКП(б) авторского отделения).
В. БОРИСОВА («Литературная газета»).

за действительную перестройку профработы среди писателей

Местком писателей Москвы реорганизован. Утверждено оргбюро горкома, которое приступает к работе.

Основные недостатки в работе месткома были отмечены рабочей бригадой союза. Бездеятельность руководства, развал профсоюзной работы среди писателей (наследство оппортунистического руководства ВПСПС, которое держало курс на исключение писателя из профсоюзной организации), отсутствие соревнования среди членов союза, отсутствие необходимой увязки с работой ФОСП, недостаточная реализация лозунга о повороте профсоюзов лицом к производству и реконструктивный период, безобразное отставание в проведении политических кампаний, неналаженность работы по подготовке авторских кадров, необычайная слабость культурно-политической работы — вот те основные болячки, которые все время сопутствовали работе месткома.

С полным основанием можно заявить, что до последнего времени положение почти не изменилось. Наметился лишь небольшой перелом в работе профорганизации писателей. Парторганизация, литорганизация в лице ФОСП, РАПП, ВОКПИ и их московских отделений, ВССП и др. отобрали линию облегчения бумажников и печатников в реорганизации профработы. Надо, чтобы этот перелом был закреплен. Каждый писатель должен видеть, что профорганизация коренненько выдвигает его производственно-творческие вопросы, что она является подлинной организацией писательской общественности на борьбу за хорошие дела литературные, за бумагу, за качество продукции, путем подготовки писательских кадров, помощи литературно-политическим организациям, путем развертывания (вместе с ФОСП) творческого соревнования.

Горком писателей обязан разрешить элементарную задачу — выполнить лозунг о повороте лицом к производству и указание тов. Сталина — «по-новому работать, по-ленинскому руководить».

Оргбюро утвердило срок созыва общемосковской конференции (начало ноября). Немедленно должна быть начата массовая работа по подготовке к конференции. Структура горкома, задачи профсоюзной организации писателей, все наиболее актуальные вопросы работы должны быть обсуждены писательской общественностью. «Литературная газета» должна в корне изменить свое отношение к профорганизации и развернуть беспощадную самокритику недостатков и ошибок, помочь оргбюро в подготовке конференции, в мобилизации писательских масс на разрешение задач социалистического строительства.

Литературно-политические организации (в особенности ФОСП), до сих пор в большинстве своем стоящие вне всякой связи с профорганами, должны добиться такого положения, при котором профорганизация писателей Красной столицы не только существовала бы, но и занимала в работе профсоюзов одно из первых мест.

Оргбюро положило в основу своей работы развертывание совместно с ФОСП производственно-творческой работы, социалистического соревнования, организацию производственно-литературной учебы и борьбы за кадры. Намечено сосредоточить в профорганизации все вопросы социально-бытового обслуживания писателей, вопросы снабжения, питания, медицинской и денежной помощи. Здесь предстоит большая работа над координацией и увязкой всех вопросов с литорганизациями, над разгрузкой последних от несвойственных им функций. ФОСП должно решительно пойти по линии создания Молпатфонда, тесно связав работу последнего с социально-бытовым сектором горкома. Единый план должен объединить все планы отдельных организаций, создать условия для действительно полного удовлетворения культурных запросов писателя.

До сих пор совершенно не обсуждались вопросы налогового характера. Профорганизация должна пойти не только по линии юридической помощи, но и по линии непосредственного разрешения ряда вопросов в области взаимоотношений с издательствами и редакциями: разработка определенной системы этих взаимоотношений, наличие расчетной книжки, создание единого выплатного пункта.

Наконец горком должен вместе с литорганизациями поработать над осуществлением задачи призыва ударников в литературу и мобилизовать крепкие идейные силы для связи с заводами, цехами, бригадами и отдельными ударниками, призванными в литературу. То же самое нужно будет проделать и по линии колхозов.

Вот некоторые моменты перестройки писательской профорганизации.

ЛЯШКЕВИЧ

в мосгоркоме писателей

Ближайшим мероприятием Мосгоркома писателей по линии развертывания профессиональной работы среди писателей является привлечение писателей к участию в составлении издательских планов на четвертый год пятилетки.

Мосгорком задумал производственно-творческому смотру связанным с Госиздатом и другими издательствами и крупнейшими издательствами художественной литературы.

Для обследования работы отдельных издательств создана специальная бригада. Кроме того писатели примут активное участие в разработке контрольных цифр и в составлении перечня планов издательств ГИХЛ, «Федерация», «Московское товарищество писателей», Детгиза.

***

При Мосгоркоме писателей создан агитационно-массовый сектор, вокруг которого будет сгруппирован писательский актив. Основными задачами сектора являются развертывание соревнования в художественной среде писателей, работа квалифицированных писателей с молодыми литераторами, проведение массовых пропагандистских бригадами, и оказание конкретной помощи при проведении хозяйственно-политических кампаний.

больше внимания нашим детям

Библиотека Литфонда начала организацию медико-педагогической консультации для детей советских писателей. Обратился в больницу С. Беляев, С. Р. Бинеф и Ф. Г. Коренной приступили к учету детей дошкольного возраста — в секции (Клуб ФОСП) ежедневно с 11 до 1 часу дня.

Предстоит разрабатать давно назревший вопрос об организации детских яслей (желательно совместно с предприятиями полиграфической промышленности, т. к. большинство писателей состоит в профсоюзе печатников). На дело 1932 года необходимо заблаговременно подготовить для детей-дошкольников пребывание за городом (летний детдом) и для школьников — санаторная дача.

Не исключена возможность — при дружной поддержке писательской общественности и организации участия родителей — что удастся приобрести и устройствам единой школы. Необходимо, чтобы Горком писателей и Мосгоркомпрофсоюз подняли перечисленные выше вопросы в конкретный план ближайшей своей деятельности.

С. БЕЛЯЕВ

Создадим массовую песню для культпохода

Центральный совет всероссийского общества «Долой неграмотность» обратился в Российскую ассоциацию пролетарских музыкантов с предложением написать музыку для культпохода. Пролетарские композиторы приняли это предложение. Но для музыки, которая будет написана в виде маршей, песен, частушек и т. п., нужны выдержанные тексты. Их должны создать наши пролетарские поэты.

Центральный совет об-ва «Долой неграмотность» обращается к рапповцам — организовать творческое соревнование между поэтами — для создания массовых культпоходных песен.

Мы ждем, что пролетарские и союзнические поэты в ближайшее же время включатся в творческую работу по обслуживанию массового движения за культурную революцию.

хроника искусств

❋ **Сектор искусств Наркомпроса, Центральный комитет рабиса и Центральный совет трамов** открывают 1 октября в Москве заочный университет искусств. Задача университета — вооружение работников искусства марксистско-ленинской теорией и ознакомление их с важнейшими проблемами марксистского искусствоведения. В текущем году заочные занятия будут вестись на театральном факультете с драмсекцией и агитпробригадным отделениями. Срок обучения на факультете — 2 года. (Все справки о приеме можно получить в Секторе искусств Наркомпроса: Маросейка, Чистые пруды, 6). Совет заочного университета утвержден в следующем составе: Афиногенов, Бояджиев, Ивин, Литовский, Луначарский, Мельник, Подвойский и Чичеров. Тромзовское и агитпробригадное отделение рассчитаны на руководителей трамов и бригад, режиссеров, бригадиров, бригадников и т. п. Прием на трамовское отделение — по разверстке ЦО трамов, при ЦК ВЛКСМ и по командированиям организаций. Срок обучения на отделении — 1 год.

❋ **Для укрепления общественно-политического совета при Секторе искусств Наркомпроса и его бюро постановлено включить квалифицированных работников всех отраслей искусства.** Второй пленум совета обсудит контрольные цифры по всем видам искусства на 1932 год, основные установки пятилетки на последний искусств (1932 — 1937 гг.), а также планы обслуживания искусством новостроек, колхозов, трудкоммун и социалистического сектора деревни.

❋ **Радиоцентр и Центральный дом самодеятельного искусства им. Крупской организуют** — с 15 августа по 1 октября — радиосмотр-соревнование лучших трудовых и массовых художественных агитбригад и музыкальных коллективов. Все соревнующиеся коллективы должны строить свои выступления на тематике осоавиахимовской и хлебозаготовительной кампаний.

❋ **Учебно-творческая группа при секции малых форм Всероскомдрама** организовано при производственных кружках: драматургический, политический и смешанный. В работу кружков вливается вся авторская масса. Задача их: творческая учеба, работа над методом, анализ и обсуждение авторской продукции. **Первый творческий вечер** состоится 21 августа — в конференц-зале Дома Герцена. Будет зачитано автором обозрение «**Шоссе энтузиастов**» **И. Дальского.** После чтения диспут.

❋ **Артист театра им. МОСПС — Н. Капин,** в сотрудничестве с драматургом Б. Дальним, написали пьесу «**Сыновья**» — о борьбе буксирной бригады ивановских ударников на небольшой суконной фабрике, занятой в прорывах. Идея пьесы: социалистические методы труда — даже на самых отсталых предприятиях, в условиях кустарного бытового окружения — вызывают в рабочей массе настоящую волну трудового энтузиазма, способствуют, наряду с перестройкой работы на предприятии, коренной перестройке людей, обслуживающих это предприятие.

❋ **Художественно-политический совет московского театра оперетты принял к постановке политическое обозрение И. Арского и Горева «Чек мистера Гульда».** Обозрение посвящено на подготовливаемые СССР и Америка. Сюжет развертывается вокруг ориентации в нем двух американских делегаций: группы капиталистов и делегации рабочих. Авторами использованы материалы из производственного быта наших изобретателей и ученых. В американской части обозрения выдвинута тема о положении безработной армии безработных в странах капитализма. Постановка оперетты поручена режиссеру А. Д. Диковому. Музыка заказана композитору Красину.

❋ **«Межрабпомфильмом» начаты съемки кинокартины «Университет» — о университете на производстве через призму.** Съемки ведутся ударной группой в составе — директора А. Добржанского, режиссера А. Ледащего, ассистента Е. Кольцовой, оператора М. Магидсона и др. В кино-ленте будут заняты комсомол, спецшкольники и профессора. Съемки намечены в Ленинграде, на Автостроке и в Крыму.

общественный суд над бахрахом-волжаниным

По Всероскомдраме состоялся общественный суд над автором малых форм — т. Бахрахом-Волжаниным.

Бахрах — работник эстрады. Его произведения формально грамотны, но художественной ценности не представляют. Тем менее можно говорить о политическом их качестве.

Обстоятельства дела, выдвинутые против Бахраха, таковы: он явился в агитпункт отдела Всероскомдрама с требованием аванса, в котором ему законно было отказано. Бахрах-автор начал лишь по этому поводу в отсеке, но и до выяснения спора сделал на них форм. Этим он ограничился, обратился в официальном документе, адресованном в руководство Всероскомдрама в грубейшей форме.

Главный представитель той части стадии эстрады, которая свое отношение к организации авторов все еще строит исключительно на шкурных интересах, Бахрах ограничился по сути дела и в общественной, на с общественной работой Всероскомдрама, хотя для пользы своего общественного «пресса» он и входил в состав одной из бригад Всероскомдрама. На деле Бахрах является хранителем злых традиций дореволюционной эстрады и ее работников, с их исключительным отношением к интересам общественной организации, в частности к Всероскомдрам.

Общественный суд (председатель Н. Мосгиков, обвинитель т. Ермишин) постановил Бахраха из числа членов Всероскомдрама исключить и возбудить перед профорганами вопрос об исключении его из союза на шесть месяцев.

Правление Бахраха единственно руководствуясь Всероскомдрама решено передать в прокуратуру для соответствующего установления характера этого заявления по существу.

прогулка писателей и ударников, призванных в литературу

17 августа по инициативе МАПП и редакции журнала «Рост» было организовано однодневное пароходное гуляньеграгулка ударников, призванных в литературу.

В гуляньи кроме т. Кирилова, Авербаха, Халатова, Сейфуллиной, Огнева, Селивановского, Макарьева, Сурова, Лукинского и др. приняло участие 250 молодых, призванных в литературу ударников.

Благодаря хорошо проведенной подготовительной работе, программа гуляньев, рассчитанная на обмен опытом заводских литкружков, на усиление руководства ими, вполне оправдала себя. По прибытии парохода «Красный пионер» в Коломенское был организован митинг-дискуссия о дальнейших перспективах работы с ударниками-литераторами, на котором выступили тт. Бахрой, Кирилов, Сейфуллина, Авербах, Огнев, Сахаров (Северные ж. д.), Сикалевский (ЛИИ), Палеш и Халатов.

После митинга был организован смотр литкружков, на котором члены литкружков заводов «Самоточка», «Динамо», «Электрозавода» и др. делились своими впечатлениями.

Приходится сожалеть, что МАПП и «Рост» были вынуждены ограничиться столь небольшим числом товарищей, принявших участие в гуляньи. Большой интерес, проявленный рабочей общественностью к гулянью - прогулке, целиком удовлетворил не был.

извещения

❋ **20 августа — 17 ч. —** в редакции газеты «Чувашский крестьянин» (Никольская, 9, Центральный, комната 8) собрание творческой группы чувашской секции МАПП. Доклад т. **Танкин** об итогах расширенного пленума ЧАПП. Приглашаются члены чувашских рабочих литкружков.

❋ **20 августа — 19 ч. —** в клубе ФОСП — собрание белорусской секции МАПП.

❋ **21 августа — 19 ч. —** в клубе ФОСП состоится совещание секретарей парсекций МАПП. Желательно присутствие всего актива начинающих.

❋ **22 августа — 19 ч. —** в клубе ФОСП кружковый вечер для ЛКСМ организует вечер журнала «Залп Сибири» ЛОКАФ. Доклад читает **т. Голдин и Зубинский.**

❋ **23 августа — 18 ч. —** в Доме ударника Ленинского района (Шаболовка, 6) занятия кружка завода Владимира Ильича. 1. Разбор стенной газеты. 2. Разбор творчества пролетарских писателей.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное изд. о-во «Огонек».

литературное сегодня

❋ Секретариат РАПП утвердил оргбюро **Северной областной ассоциации пролетписателей.** В состав оргбюро вошли: тт. Сидоренко, Щубин, Новосельский, Матвеев, Воран, Демидов, которым поручено начать подготовку к областному съезду пролетписателей, назначенному в сентябре.

❋ При **Ленобластсполкоме** создана постоянная комиссия **по улучшению быта писателей.** В состав комиссии вошли: тт. М. Рафаил (ЛОКАФ), Назаренко (Ленсовпрофсоюзом), представители литорганизаций, редакций и изд. крупнейших заводов, Ленсовета, ЛСПО и обсуждает.

❋ Вышел первый номер **литературной газеты Ленбаллокаф.** Газета выходит в лагере Пролетарской диктатуры.

❋ На **пленуме** расширенном президиума ВССП подробно обсуждены вопросы **чистки состава ВССП.** По предварительному учету намечено к чистке около 30 проц. состава секций. Президиум ВССП избрал комиссию для детальной проработки материалов о каждом писателе, находящемся в списке. Заключение комиссии будет основываться на учете творческой и литературно-общественной работы писателя и ее соответствия литературно-политическим заданиям ВССП. Комиссии поручено закончить работу в декадный срок.

❋ Московский **правление писателей** в отношении снабжения их продуктами и промтоварами к рабочей группе литера «А».

❋ Принадлежность к членам секретариата ФОСП, **Мосгоркома писателей** обратился в Совнарком РСФСР с проектом практически выработанного ОГИЗ нового законопроекта **об авторском праве,** не обсужденного писательскими организациями.

❋ **Центральный литкружок союза бумажников и печатников** приступил к проведению ряда новых заседаний на предприятиях. Первое заседание, посвященное в литкружке литературе «Новых поколений», прошло очень оживленно, вызвав живой интерес со стороны кружковцев и рабочих типографии. После вступительного слова режиссера-лаборанта «Пана Кенра» т. Живодерова, с докладом выступил руководитель литкружка т. Бровман, отметив, быстрый рост молодого центрального литкружка, выдвинувшего способных начинающих писателей и среди тт. Буйного, Кузнецкого, Корнева и др. После доклада т. Бровмана был проведен творческий смотр.

❋ На последнем заседании **ЦС ЛОКАФ** Д. Либерман указал на отставание **сроков** выхода учебных программ. Противоречие программы устарели и нуждаются в серьезной проработке. **ЦС ЛОКАФ** поручил комиссии в составе тт. **Данилова, Марина и Субботского,** которой поручено немедленно приступить к переработке и дополнению литературных планам для литкружков.

❋ **Московская группа РАПП «Кузница»** и московский сектор журнала «Пролетарский авангард» провели вечер смотра литературных биографий о героях пятилетки. Были подчеркнуты крепкие только-что вышедшие из печати очерки членов «Кузницы» Д. Касимова, В. Зарянова, И. Лишко и др. В дальнейшем решено регулярно проводить такие вечера, при непременном участии самих ударников. Кроме того, выездные редакции будут специально отправляться на предприятия и там проводить обсуждение новых книг. В наиболее отдаленные места очерки будут посылаться на письменные отзывы. Такие отзывы об очерках И. Лишко от рабочих Бежицкого завода уже получены. Они представляют собой очень ценный критический материал.

Изд-во ОГИЗ
„ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ"
(Москва, 12, Ильинка, 15, телефон 1-44-89)
объявляет
ШИРОКИЙ КОНКУРС
на лучший физкультурно-спортивный ОЧЕРК, РАССКАЗ, СТИХотворение
Для премиров. лучших произведений установлены премии:
ЗА ОЧЕРК и РАССКАЗ: первая—450 р., вторая—300 р., две третьих—по 200 р., три четвертых—по 100 р.
СТИХОТВОРЕНИЕ: первая—200 руб., две вторых—по 100 руб. и три четвертых—по 50 руб.
Последний срок представления рукописей—1 декабря 1931 г.
ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ КОНКУРСА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
СОЦЭКГИЗ
Книгоцентр
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК
Орган Научно-Исследовательского Института Языкознания
Отв. редактор М. Бочачер
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК ведет непримиримую борьбу за ленинский этап в лингвистике, против идеалистических и меньшевистских направлений в науке о языке, против механизма и эклектизма, против великодержавничества и национального шовинизма, а также со всеми проявлениями правого и левого оппортунизма на лингвистическом фронте.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК занимается разработкой методических и практических вопросов лингвистики.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК популяризирует проблемы лингвистики среди широких масс рабочих, культработников и учащихся.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК ставит задачей концентрацию вокруг себя молодых кадров лингвистов, лучшей части старых ученых.
Журнал рассчитан на лингвистов, словесников, студентов «культурников» партийный и комсомольский актив.
Подписная цена: на год (за 4 №№)—7 руб., на 6 мес. (за 2 №№)—3 р. 50 к.
Подписку сдавайте в местные магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченным, на почту и письмоносцам.

ОГИЗ ОБ'ЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА 2-ГОДИЧНЫЕ РЕДАКТОРСКИЕ КУРСЫ при
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ
С ОТДЕЛЕНИЯМИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ
Принимаются т. т. ВКП(б), со стажем не менее 5-ти лет.
Разверстка и условия приема разосланы Областкомам, Крайкомам и ЦК национальных республик.
По Москве условия приема узнавать в Управлении кадров ОГИЗ'а, (Кузнецкий мост 16, комн. 38, тел. 5-80-53).

СОЮЗКИНО
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫПУСКАЕТ НА ЭКРАН НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМ
„ОДНА"
ЗВУКОВАЯ ПЬЕСА В 6 ЧАСТЯХ
2200 МЕТРОВ
Сценарий и постановка — Г. М. КОЗИНЦЕВА, Л. З. ТРАУБЕРГА
Музыка Д. Д. ШЕСТАКОВИЧА
Оператор А. Н. МОСКВИН
Звуко-оператор И. Ф. ВОЛК
Художник Н. Е. ЕНЕЙ
Дирижер Н. С. РАБИНОВИЧ
В картине участвуют: Е. МУЗЫКИНА, М. БАБАНОВА, С. ГЕРАСИМОВ, Н. СОБОЛЕВСКИЙ, ВАН ЛЮИ-СЯН
Семочный коллектив С. ГЕРАСИМОВ, В. ЛОКШИНА, А. МИНЬКИН
БОЛЬШОЙ СЮЖЕТ... ЭТО НЕ ТОЛЬКО КАРТИНА СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ, НО КАРТИНА ХУДОЖНИКОВ, СОЗНАТЕЛЬНО ИЩУЩИХ В СОВРЕМЕННОСТИ ПОДЛИННЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ СВОЕГО ТВОРЧЕСТВА (журнал «За пролетарское кино»).
Производство Ленинград. к/ф-ки Союзкино

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИТ. КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"
Под редакцией Л. АВЕРБАХА, И. МАПОЛЬТА и Ф. РАСКОЛЬНИКОВА
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — исходит в своей работе из Ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. „Л. Н." разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание „Л. Н." уделяет разысканиям и публикациям неизданного и затерянного литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание „Л. Н." будет заострено на усвоении традиций большевистской журналистики и изучении роли Ленина как редактора.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — вводит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всеми литературными новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарного наследия прошлого, в настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.
ИЗДАНИЕ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАНО.
Акц. изд. о-во „Огонек"

Уполн. Главлита В8865. Типография (29) изд. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 2.